

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЛИ ЧАЙЛД

& ЭНДРЮ ЧАЙЛД

ДЖЕК РИЧЕР:

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

ЧАСОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Джек Ричер

Ли Чайлд

Джек Ричер: Часовой

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Чайлд Л.

Джек Ричер: Часовой / Л. Чайлд — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Джек Ричер)

ISBN 978-5-389-20357-0

Когда Джеку Ричеру некуда податься, его выручает испытанный принцип: подайся все равно куда. Однажды кочевая судьба забрасывает его в безвестный теннесийский городишко. Джек не планирует задержаться здесь дольше, чем нужно на завтрак в кафе, но внезапно инстинкты частного детектива и бывшего военного бьют тревогу: случайно попавшийся на глаза прохожий вот-вот угодит в расставленную ловушку. Четверо на одного. Это означает, что Ричер не может не лезть в драку. Таков уж его фирменный стиль разрешения конфликтных ситуаций. Правило номер один: если не понимаешь, во что ты влип, позаботься о том, чтобы Джек Ричер оставался на твоей стороне. Впервые на русском новый роман о знаменитом герое!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20357-0

© Чайлд Л., 2020

© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6	41
Глава 7	52
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ли Чайлд Джек Ричер. Часовой

Каре и Саре с благодарностью

Lee Child and Andrew Child

THE SENTINEL

Copyright © Lee Child and Andrew Child, 2020

This edition is published by arrangement with Darley Anderson Literary, TV & Film Agency
and The Van Lear Agency

All rights reserved

© В. Г. Яковлева, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Из своей квартиры Расти Резерфорд вышел в понедельник утром, ровно через неделю после того, как его уволили с работы. Первые несколько дней он просидел за опущенными шторами, питаясь лишь запасами пиццы в морозилке и ожидая звонка. «...За допущенные серьезные недостатки в работе» – так было написано в приказе об увольнении. «Полная неспособность к руководящей деятельности. Весьма существенные и принципиальные просчеты». Просто невероятно. Абсолютное извращение истины. Это несправедливо, в конце концов. Просто пытаются свалить на него недавние городские проблемы. Но это... какая-то ошибка. Ни больше ни меньше. И это значит, что она должна быть исправлена. Причем очень скоро.

Томительно тянулись часы. Телефон молчал. А электронная почта была забита одним спамом.

Расти терпел еще день, потом включил свой старенький ноутбук. У него не было ни пистолета, ни ножа. Он не умел прыгать с парашютом, спускаться по веревке с зависшего над землей вертолета. Но все равно кто-то должен за все заплатить. Быть может, его реальным врагам и сойдет это с рук. На этот раз. Но не злодеям из компьютерных игр, что прислал ему приятель-программист. Прежде Резерфорд в эти игры не играл. Слишком много там ненужного насилия. Но теперь он больше так не считал. Хватит с ними церемониться и миндальничать. Если только, конечно...

Однако телефон не подавал признаков жизни.

Через двадцать четыре часа он уже побеждал, причем с очень большим счетом и с некоторым обезвоживанием организма, но в остальном все оставалось как прежде. Расти закрыл компьютер и снова завалился на диван. Большую часть следующего дня провел на нем, время от времени меняя диски с фильмами, которые не помнил, когда и где купил, и про себя умоляя Творца вселенной, чтобы тот вернул его на работу. Он клялся, что станет совсем другим. Более адекватным, покладистым. Терпимым. Более тактичным. И даже чутким. Станет покупать сотрудникам офиса пончики. Два раза в месяц. А если это надо для дела, то и три.

А телефон оставался мертвым.

Расти иногда выпивал, но не часто, хотя сейчас что еще оставалось делать? На экране пошли финальные титры очередного фильма. От них его уже тошнило, и он отправился на кухню. Достал из шкафчика непечатую бутылку виски. Вернулся в гостиную и поставил вконец запиленную пластинку Элмора Джеймса.

Потом отрубился прямо на полу, лицом вниз... и сколько так провалялся – неизвестно. А когда очухался, голова гудела, словно булжники в ней перекачивались, грозя пробить череп и вывалиться. Казалось, страдания эти никогда не кончатся. Но когда похмелье в конце концов прошло, он поймал себя на том, что в душе поднимается некое новое чувство. Бунтарский дух. Ведь как бы там ни было, Расти не виноват в том, что случилась беда. Это и слепому видно, черт побери. Ведь он все предвидел заранее. И предостерегал своего босса. Причем неоднократно. И публично, и с глазу на глаз. А тот пропускал все мимо ушей. Снова и снова. И вот, отсидевшись неделю в своей берлоге, Резерфорд решил, что настало время высунуть нос и изложить свою точку зрения любому, кто захочет его слушать.

Он принял душ, подыскал в шкафу, во что одеться. Легкие хлопчатобумажные брюки и тенниска. Совершенно новенькие. Сдержанной расцветки, с фирменными лейблами, чтобы сразу видно было: у него серьезные намерения. Отыскал туфли в разных углах коридора, куда когда-то их зашвырнул. Подхватил лежащие на этажерке возле двери ключи и солнечные очки. Вышел на лестничную площадку. Прокатился в пустом лифте на первый этаж. Прошел по вестибюлю. Толкнул тяжелую дверь-вертушку, вышел и остановился на тротуаре. Утро было в самом разгаре, солнце жарило, как доменная печь: у него на лбу сразу выступили капли пота и

вспотели подмышки. Расти с ходу охватило смятение. Ведь потеет всегда тот, кто виноват. Он где-то об этом вычитал, а ему отчаянно не хотелось выглядеть проштрафившимся. Он быстро огляделся, не сомневаясь в том, что все на него смотрят, будто он шагает по улице нагишом, и буквально силой заставил себя двинуться вперед. Прибавил шагу. На самом-то деле, конечно, большинство прохожих его даже не замечали. Хотя, если быть точным, внимание на него кое-кто обратил, но таковых оказалось всего только двое.

А в ту самую минуту, когда Расти Резерфорд выходил из своего жилища, Джек Ричер вламывался в бар. Это происходило в Нэшвилле, штат Теннесси, в семидесяти пяти милях к северо-востоку от сонного городишки, где жил Резерфорд, и Ричер пытался разрешить одну проблему. Прежде всего в практическом плане. Задачку из области физики. А также биологии. Если говорить более предметно, то она заключалась в том, как пристроить человека под потолком, не нанося при этом слишком серьезных остаточных повреждений. Хотя бы потолку. Сам мужик не слишком его волновал.

Бар, собственно, принадлежал этому подвешенному. В первый раз Ричер переступил порог бара сутками ранее. В субботу. Почти в воскресенье, потому что, когда он появился в этом городе, уже близилась полночь. Путешествие его проходило не сказать, чтобы очень гладко. В первом автобусе, где он ехал, ни с того ни с сего вспыхнул пожар, а водитель присланного ему на замену, не доехав до нужного поворота двадцати миль, свернул не туда и застрял под слишком низким мостом. После долгого неподвижного сидения в кресле мышцы Ричера одеревенели, и, выйдя из автобуса на остановке Грейхаунд, он отошел в сторонку, к месту для курения, и несколько минут разминал мышцы и разрабатывал суставы. Ричер стоял, наполовину скрытый в тени, а остальные пассажиры прохаживались взад-вперед, переговаривались, колдовали над телефонами; некоторые забирали багаж и постепенно разбредались кто куда.

А Ричер оставался на месте. Спешить ему было некуда. Приехал он позже, чем ожидал, хотя большой проблемы в этом не видел. Никаких встреч у него запланировано не было. Никто его не ждал, никто о нем не беспокоился, не сходил с ума. Главное сейчас – подыскать местечко, где можно переночевать. Ресторанчик, чтобы перекусить. И какой-нибудь, скажем, бар с хорошей музыкой. Это все еще вполне можно устроить. Не обязательно в том же порядке. Парочку пунктов можно и совместить. «Живы будем – не помрем», – подумал он. В некоторых гостиницах, в таких, где Ричер предпочитал останавливаться, если даже явиться поздно, – местечко найдется. Особенно если платишь наличными. А он всегда так и поступал.

«Сначала музыка», – решил Ричер. Он знал, что в Нэшвилле таких мест хватает, но сейчас ему хотелось чего-то особенного. Этакого несовременного, как старый пиджак. С традициями. Где в свое время, скажем, мог бы играть Блайнд Блейк. Или даже Хаулин Вулф. А не новое, перестроенное, с наворотами. Вопрос только в том, как найти такое местечко. На автостанции лампы еще горели и внутри были люди: работали, ждали автобуса или просто сидели, не желая выходить на улицу. Кое-кто из них обязательно окажется местным. А может, и все местные. Можно поговорить, спросить, где найти такое местечко. Но он заходить внутрь не стал, решил положиться на свое чутье. Ричер знал, что такое большой город. Мог читать его как книгу по очертаниям домов, облику улиц – так опытный моряк читает море по направлению ветра и форме волн. Ричер нутром почувствовал, что сейчас надо двигаться на север. Он пересек широкий треугольный перекресток и направился к засыпанному щебенкой пустырю. Тяжелый дух дизельного топлива и табачного дыма остался за спиной, а тень перед ним с каждым шагом становилась все длиннее. Словно указывала дорогу к ряду узеньких, параллельно расположенных улочек, застроенных одинаковыми закопченными кирпичными домами. Похоже, какая-то промышленная зона, но совсем обветшалая и заброшенная. Ричер не знал, какого рода бизнес процветал в Нэшвилле в прошлом, но здесь определенно когда-то что-то изготавливалось, продавалось или хранилось. А теперь здесь застой. Виднелись только одни безжиз-

ненные строения. «Впрочем, вряд ли надолго», – подумал Ричер. Либо снова откуда-нибудь притекут денежки и не дадут им окончательно рухнуть, либо наоборот.

Ричер сошел с крошащегося тротуара и продолжил путь посередине улицы. Он прикинул, что топтать осталось пару кварталов. От силы три. И если не попадетя что-нибудь стбящее раньше, Ричер свернет направо, к реке. Он прошел мимо заведения, где продают бэушные автомобильные покрышки. Потом складское помещение, используемое неким благотворительным обществом для хранения пожертвованной мебели. И когда переходил через следующую улицу, уловил рокот бас-гитары и перестук барабанов.

Звуки доносились из здания в центре квартала. Выглядело оно так себе, малоинтересно. Ни одного окна, вывески или указателя. Лишь простая деревянная дверь, а под ней тоненькая полоска желтого света. А к заведениям, где маловато потенциальных выходов, Ричер всегда относился с подозрением, поэтому хотел уже было не останавливаясь идти дальше, но как только поравнялся с дверью, она вдруг отворилась. На тротуар вывалились двое мужчин, возрастом где-то под тридцать, оба в футболках без рукавов, руки разрисованы бледными татуировками. Чтобы не столкнуться с ними, Ричер взял в сторону, и в ту же секунду изнутри донесся скорбный вопль гитары. Ричер остановился. Неплохой однако риффец. Звук нарастал, усиливался, взлетал все выше, и как раз в тот момент, когда казалось, что он сейчас оборвется и последняя его нота замрет, мелодию вдруг подхватил женский голос. Печальный до безысходности, томительный и щемящий, в своей невообразимо глубокой скорби он словно зывал ко всей вселенной. Тут уж Ричер устоять никак не смог. Не колеблясь больше ни секунды, он переступил порог.

Внутри пахло пивом и потом, и само помещение оказалось намного ниже, чем ожидал Ричер. Еще оно оказалось шире, чем можно было подумать; практически здесь было два отдельных зала с «мертвой зоной» посередине. Тот, что справа, предназначался для любителей музыки. Сейчас их было десятка два с лишним: кто танцевал, кто стоя пританцовывал, а кто просто стоял и слушал. Сцена располагалась за ними, возле дальней стены на всю глубину помещения. Невысокая, сколоченная из досок от упаковочных ящиков и обшитая сверху деревянными листовыми панелями. С обеих сторон ее располагались усилители, а с потолка свисала парочка металлических кронштейнов с прожекторами. Певица стояла спереди по центру. Ричеру она показалась совсем крохотной. Ростиком самое большее футов пять и худенькая как тростиночка. Коротко подстриженные светлые волосы блестели так ярко, что Ричер подумал, уж не парик ли это. Слева от нее, ближе к двери, стоял гитарист. Еще один, тот, что играл на бас-гитаре, – на равном расстоянии справа. У обоих буйные, вьющиеся шевелюры, высокие, острые скулы, и похожи они были друг на друга как близнецы-братья. На сцене была и ударная установка, и молотила на ней, похоже, женщина, но в задней части сцены была такая густая тень, что как следует разглядеть ее было трудно.

Левая часть помещения отводилась для выпивающих. Здесь стояло шесть круглых столиков, каждый с четырьмя стульями, и еще четыре табуретки у стойки, расположенной возле стены, противоположной сцене. Стойка бара была укомплектована обычными пивными кранами, холодильниками для бутылок и устройствами для дозировки спиртного. Вся стена была зеркальная, а в центре ее зияла дыра в форме звезды. «Наверно, кто-то запустил бутылку», – подумал Ричер. Выглядело неплохо, Ричеру понравилось. Создает особую атмосферу. Но этого было маловато, чтобы затмить главный изъян заведения: перед стойкой бара с потолка свисали десятки женских лифчиков. А может, и сотни. Самых разных стилей, расцветок и размеров. Откуда они там взялись, знать Ричеру не хотелось. Но эта деталь дизайна показалась ему пошловатой. И совершенно необязательной. Да и с практической точки зрения ничего хорошего тут не было. Человеку достаточно высокого роста, чтобы подойти к стойке, придется либо раздвигать перед собой эти лифчики, либо нагибаться, чтобы пройти под ними. Ричер подождал, когда закончилась последняя песня, наклонил корпус и, извиваясь, добрался до ближайшей

табуретки. В этой части помещения он оказался в единственном числе и по пустому выражению лица бармена так и не понял, рад ли тот его прибытию или нет.

– Кофе, – проговорил Ричер, когда бармен наконец обратил на него внимание. – Черный.

– Кофе нет.

– Ладно. Тогда чизбургер. Картошку фри. Без салата. И без пикулей. И колу.

– Чизбургеров нет.

– А что есть перекусить?

– Еды нет вообще.

– А где есть поблизости?

– Я не живу поблизости, – пожал плечами бармен.

Ричер взял стакан с колой и повернулся к сцене. Он надеялся, что выступит кто-нибудь еще, но там уже не было никаких признаков жизни. Половина публики успела переместиться к столикам. Остальные двинулись к выходу. Музыка больше не будет, надежда перекусить тоже угасла... Ричер подумал, что ему остается допить колу и двигаться на выход. Оказавшись на улице, он продолжил путь в прежнем направлении, куда шагал до того, как его заманили внутрь, но, дойдя до переулка в самом конце здания, вдруг услышал шум драки. Обернулся и чуть не столкнулся с гитаристом, игру которого только что слушал. Широко раскрыв от страха глаза, парнишка сделал шаг назад и, словно защищаясь, вскинул гитару вверх. Сзади в него чуть не врезалась певичка. Ричер поднял перед собой обе руки ладонями вперед. Он прекрасно понимал, какое впечатление на них мог произвести его внешний вид. Верзила шести футов и пяти дюймов ростом. Весом двести пятьдесят фунтов. На голове лохматая копна нечесаных волос. Физиономия небритая. От таких, как он, в ужасе и с громкими криками разбегаются дети.

– Простите, ребята, – сказал он и попробовал ободряюще улыбнуться. – Я не хотел вас пугать.

Гитарист опустил футляр с гитарой, но с места не сдвинулся.

– Между прочим, вы отлично выступили, мне понравилось, – сказал Ричер. – Когда снова играете?

– Спасибо, – отозвался гитарист, продолжая стоять. – Скоро. Надеюсь.

– Здесь же?

– Нет, только не здесь.

– Почему? Не понравилась тусовка?

– Нет. Не понравился хозяин.

– Погодите, – вмешалась певичка, опалив Ричера грозным взглядом. – А вы что здесь делаете? Вы что, на него работаете?

– Я ни на кого не работаю. Но что не так с этим хозяином? В чем проблема?

Певичка секунду в нерешительности подумала, потом выставила один палец, за ним другой.

– Отказался нам платить – раз. И обворовал – два. Гитару забрал.

– Мою гитару, – добавил гитарист. – Запасную, хорошую.

– Серьезно? – Ричер сделал шаг назад. – Деловые люди так себя не ведут. Тут должно быть что-то еще.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила певичка и перевела взгляд на гитариста.

– Да ничего такого не было, – ответил тот. – Мы закончили выступление. Собрали вещи.

Попросили заплатить. Он отказался.

– Не понимаю, – сказал Ричер и секунду помолчал. – В такие места музыка должна привлекать посетителей. А не служить антуражем. Это, черт возьми, ясно как дважды два. А чтобы иметь хорошую музыку, нужны музыканты. Не платишь музыкантам, – они не станут играть. Он что, враг своему бизнесу? Нет, вы, наверное, чем-то его разозлили.

– Вы ничего не понимаете в музыкальном бизнесе, – покачал головой гитарист.

– Ну так объясни, чтоб я понял.

– Зачем?

– Зачем? Затем, что я прошу тебя. Мне просто нравится узнавать что-то новенькое, учиться. Учение – свет.

Гитарист поставил футляр с гитарой на землю:

– Да что тут объяснять? Такое происходит постоянно. И с этим ничего не поделать.

– У музыкантов нет никаких прав, – сказала певичка и положила руку гитаристу на плечо. – Все зависит от хозяина заведения.

– Неужели у вас нет человека, который помог бы вам добиться справедливости? Импресарио, там... Или агент. Разве у музыкантов не бывает таких людей?

Гитарист покачал головой:

– У успешных, может быть, есть. А у нас нет.

– Пока, – добавила певичка.

– Ну а в полицию обратиться?

– Нет уж, – сказала певичка и отряхнула карман куртки. – Только не полиция.

– С полицией связываться себе хуже, – поддержал ее гитарист. – Пойдут слухи, что с нами всегда проблемы, никто не захочет нас приглашать.

– А что толку, когда приглашают и не платят?

– Толк в том, что мы должны выступать. Чтобы люди нас слушали.

Певичка постучала себя по уху:

– Как про нас узнают, если никто не слышит, как мы играем?

– Пожалуй, – согласился Ричер и помолчал. – Хотя, честно говоря, вам надо подумать о том, какой сигнал вы посылаете.

– Да какой еще сигнал! – Гитарист прислонился плечом к стене. – Проглотить и смириться. Больше нам ничего не остается.

– Может, хоть так пробьемся, – сказала певичка. – В конце концов.

Ричер на это ничего не сказал.

– Что молчите? Считаете, мы не правы?

– Может, я что-то не очень понимаю, – сказал Ричер и перевел взгляд на гитариста. – Но внутренний голос мне подсказывает, что вы всем своим видом говорите владельцам клубов: мол, обдирать нас как липку – это нормально. Мы, мол, сами рады-радешеньки, что нам ничего не платят.

– Чушь собачья, – сказала певичка. – Терпеть не могу, когда мне не платят. Что может быть хуже?

– А вы ясно дали ему понять, чего от него хотите?

– Конечно, – ответил гитарист и выпрямился. – Еще бы. Я потребовал, чтобы он заплатил. Он сделал вид, что собирается это сделать, и пригласил в свой кабинет. Только там нас ждал какой-то мордорот. Вышибала. Огромный такой. Наверно, они заранее договорились обо всем, потому что хозяин ничего ему даже не говорил. А тот не ждал приказа. Сразу схватил меня за руку. За левую. – Он поднял левую руку для наглядности. – Ну вот, схватил за руку и прижал к письменному столу, где была такая металлическая пластина. Вся в зазубринах и вмятинах. И покрыта пятнами. В общем, прижал к ней руку, а хозяин обошел вокруг стола и открыл верхний ящик. И достал молоток. С гвоздодером с другой стороны. И этим гвоздодером расправил мне пальцы, чтоб растопырены были во все стороны. А потом и говорит: выбирай, что лучше – я тебе заплачу, но пальцы переломаяю. Один за другим. Или же отпущу целеньким, но без денег.

В голове Ричера чей-то голос зашептал: да плюнь ты на все это и иди своей дорогой. Тебе что, чужих проблем не хватает? Но тут он вспомнил, как ярко, как виртуозно пела гитара

этого парня. Вспомнил, как следил за пальцами музыканта, совсем не похожими на его собственные. Быстрые и изящные, как красиво, как искусно они бегали по струнам! И представил себе отморозка, который схватил его за руку. Хозяина, ловко орудующего молотком. И не двинулся с места.

– А хотите, я вернусь туда, – предложил Ричер. – Помогу хозяину рассмотреть вопрос под несколько другим углом. Может, он согласится и пересмотрит свою точку зрения на ваш гонорар за сегодняшний вечер.

– А у вас получится? – спросила певичка; по лицу ее было видно, что она не очень-то ему верит.

– Мне говорили, что я порой бываю очень убедителен.

– Но вы ведь тоже можете пострадать.

– Ну это вряд ли.

– У него молоток, – сказал гитарист и переступил с ноги на ногу.

– Не думаю, что дело дойдет до молотка. Но даже если и так, проблем не будет. Ну что, попробовать? Вам все равно терять ничего.

– Ну не знаю... я...

– Благодарю вас, – перебила его певичка. – Мы будем благодарны за любую помощь. Только будьте осторожны, пожалуйста.

– Я всегда осторожен. А теперь расскажите про гитару. Про вашу хорошую запасную. Он в самом деле забрал ее?

– Этот мордovorot забрал, – сказал гитарист. – Типа того. Из кабинета он пошел за мной и вырвал ее у меня из рук. И швырнул ее на лестницу в подвал, а сам посмотрел на меня таким диким взглядом, будто хотел сказать: ну что, слабо спуститься и поднять ее?

– И ты оставил ее там?

Гитарист отвернулся.

– Ладно, не переживай. Ты все сделал правильно.

Ричер помолчал.

– Дорогая? – спросил он.

– Где-то штука баксов, не знаю. – Гитарист пожал плечами. – Для меня это очень много.

– А хозяин с молотком? Как его зовут?

– Локхарт. Дерек Локхарт.

– Сколько обещал вам заплатить?

– Две сотни долларов.

– Хорошо. А кроме Локхарта и того, кто был с ним в кабинете, и кроме бармена, кто еще там работает?

– Больше никого.

– Нет, есть еще мальчишка, который убирает столики, – сказала певичка. – Он обычно торчит на улице, травку покуривает.

– Кто-нибудь еще?

– Нет.

– Какое-нибудь оружие видели в помещениях?

Они переглянулись и помотали головами.

– Ну что ж, тогда ладно. Как найти кабинет Локхарта?

– Он на втором этаже, – сказал гитарист. – А лестница за туалетами.

У барной стойки в одиночестве посасывал из бутылочки пиво последний посетитель. Бармен помахивал облезлой метлой между столиками и сценой. Больше на горизонте никого не было видно, и Ричер направился по проходу, мимо туалетов, к лестнице и поднялся наверх. Оказавшись на узенькой площадке, он увидел дверь. Она была закрыта. И за ней слышался

чей-то голос. Мужской, сомневаться не приходилось, но слов было не разобрать. Человек говорил негромко. Ритмично. Словно что-то подсчитывал. Возможно, недельную выручку. Значит, скорей всего, закрыто на ключ. Ричер взялся за ручку. Повернул. И одновременно двинул в дверь плечом. Она подалась легко, только деревянные щепки полетели во все стороны.

– Простите, джентльмены, – сказал он, шагнув в комнату, и отшвырнул кусок дерева обратно к изуродованной раме. – Я не знал, что тут заперто.

Комнатка оказалась совсем крохотная. Не кабинет, а какой-то шкаф. За столом, едва втиснувшись между ним и стенкой, плечом к плечу сидели двое. Один нормального размера – скорей всего, сам Локхарт. Второй – обрюзглый гигант, морда ящиком, – точно вышибала. Оба так и застыли на стульях, сидели не двигаясь. А вся поверхность стола была завалена кучами измятых, сальных банкнот.

– Кто ты такой, черт бы тебя подрал? – заорал Локхарт, быстро оправившись от шока.

– Меня зовут Джек Ричер. Я – представитель музыкальной группы, которая у вас играла сегодня вечером. Я пришел, чтобы поговорить о контракте.

– У них нет никакого контракта.

– Теперь уже есть.

Ричер ухватился за венский стул – других, кроме вышеперечисленных, предметов мебели в кабинете не обнаружилось, – попробовал его на прочность и сел.

– Ну все, вам пора, уходите немедленно, – сказал Локхарт.

– Но я ведь только что пришел.

– Вам нельзя находиться здесь. Мы считаем деньги.

– Вы ведь не до конца все обдумали, верно?

Локхарт ответил не сразу, ища в вопросе какой-то подвох.

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы сказали, что мне здесь находиться нельзя. И все же я здесь, это и ежу понятно. Так что ваше рассуждение содержит ошибку.

– Вы можете уйти сами, – с преувеличенной четкостью проговорил Локхарт. – Иначе я могу вышвырнуть вас вон.

– Вы? Вы можете вышвырнуть меня вон?

Ричер позволил себе улыбнуться.

Локхарт сжал перед собой на столе кулак:

– Я могу приказать, и вас вышвырнут вон.

– Уверены? Ну и где же весь ваш народ?

– Весь народ, который мне понадобится, у меня под рукой. – Локхарт ткнул пальцем в своего компаньона.

– Этот? Начнем с того, что он у вас только один. В единственном, так сказать, числе. Значит, надо было так и сказать: «единственный, кто мне понадобится». Но и это ведь тоже не верно, как вы считаете? Потому что он, по всему виду, со своей работой вряд ли справится. Даже если я лягу здесь спать, он не сможет вышвырнуть меня вон. Даже если я помру в преклонном возрасте, ему все равно будет слабó.

Во время этой перепалки Ричер ни на секунду не отрывал глаз от амбала. И видел, конечно, как взгляд его метнулся в сторону Локхарта. И Локхарт едва заметно ему кивнул. Амбал встал. И Ричер понял, что у того есть единственный ход, имеющий шанс на успех. Броситься на него прямо через стол. Если проделать это достаточно быстро, он достанет раньше, чем Ричер вскочит на ноги. Даже если Ричер успеет встать, у амбала останется самое мощное его оружие. Это вес. Вышибала как минимум на сотню футов тяжелее Ричера. Вкупе со скоростью, с которой он рванется вперед, все его фунты обретут огромный запас кинетической энергии. И Ричер ни за что не сможет его отпарировать. Он наверняка будет сбит с ног и повалится спиной на пол. И окажется в весьма сложном положении. Будет зажат в углу, не в состо-

янии пустить в ход кулаки, ноги и локти. Не в силах даже вздохнуть. И тогда громиле придется только ждать. Просто лежать на нем, пока Ричер сам не отключится. В его жизни это будет самая легкая победа.

Но тот сделал неверный ход. Он не бросился на Ричера через стол, а решил обойти кругом. Для его телосложения ошибка весьма серьезная. Издевательский тон Ричера, видимо, отнял у него способность ясно соображать. Он уже не думал о том, чтобы просто одержать победу. Он уже представлял себе, как с наслаждением молотит Ричера своими кулачищами. А это дало Ричеру секунду времени, чтобы схватить лежащую на столе металлическую тарелочку. Крепко зажал в ладонях ее края. И выпуклой частью двинул в горло атакующего, применив своего рода обратный прием гильотины. В результате смял ему глотку и перебил дыхание. Потом Ричер просто толкнул его в рожу; громилу опрокинул назад, туда, откуда начал движение, и, задыхаясь и бессвязно что-то лопоча, приземлился в угол.

– Обычно я так себя не веду, – сказал Ричер, снова усаживаясь на венский стул. – Чуть что – и в морду... нет, это не мой стиль. Я бы дал ему шанс встать и спокойно уйти. Но я вспомнил, что это ведь он отобрал у мальчика гитару. Поэтому и подумал: плевать мне на свои правила.

Локхарт судорожно полез в карман за мобильником.

– Надо срочно вызвать скорую, – пролепетал он.

– Ничего с вашим другом не делается, – сказал Ричер. – Хотя кто его знает... Но пока он решает проблемы с дыханием, давайте возобновим наш разговор о контракте с музыкантами. Сколько вы пообещали им заплатить?

– Я ничего им не обещал.

Ричер провел пальцем по краю пластины:

– А мне кажется, обещали.

Локхарт метнулся в сторону, протянув руку к ящику стола. Ричер глазами проследил это движение и запустил в него пластиной, придав ей, словно тарелочке фрисби, вращательное движение. Она попала Локхарту точно в переносицу, раздробив кость и отбросив обратно на стул.

– Я начинаю думать, что эта игрушка – довольно опасная штука, – сказал Ричер, подобрал пластину и бросил ее на пол. – Не советую больше шутить с ней. Никогда. Итак... контракт. Назовите сумму.

– Двести долларов.

– Две сотни долларов – это первоначальная цифра. Но с тех пор, как она была согласована, вы проявили большой интерес к пальцам человеческой руки. Скажите мне, сколько их имеется, к примеру, на левой руке гитариста?

– Пять, – приглушенным голосом – из-за ограниченной подачи воздуха через дыхательные пути – прогнусавил Локхарт.

– С профессиональной точки зрения – четыре. Пятый палец – большой. Но я принимаю ваш ответ. Итак, двести долларов, помноженные на пять пальцев, получится...

– Тысяча.

– Прекрасно. Теперь у нас есть новая цифра. И мы готовы принять наличными.

– Размечтался.

– Я вижу, здесь у вас очень много наличных денег. Если вам трудно считать, может, я просто заберу сразу все и дело с концом?

– Хорошо, – чуть было не провизжал Локхарт.

Он выбрал две пачки банкнот и двинул их через стол.

– Отлично. А теперь давайте добавим штраф. Это будет еще пять сотен баксов.

Локхарт злобно сверкнул на него глазками, но передал-таки еще одну пачку.

– Ну вот, мы почти закончили. Осталась только некоторая доплата за утрату рабочего инструмента. Ровно одна тысяча.

– За какую такую...

– За гитару этого мальчика. Ваш приятель зашвырнул ее куда-то в подвал. Если хотите, можете вычесть у него из жалованья, но мой клиент из своего кармана платить за нее не намерен ни в коем разе.

Глазки Локхарта забегали взад-вперед по тающей куче наличности. Ричер почти видел, как шустро шевелятся извилины его мозгов, подсчитывая, сколько на столе осталось и возрастут ли у него шансы оставить хоть что-нибудь, если он не станет слишком кочевряжиться.

– Ладно. Еще тысяча. Но ни цента больше. И передай этим малолеткам: если они снова явятся, я переломаю им не только пальцы. И если даже не явятся, в этом городе они играть больше не будут.

Ричер покачал головой:

– Мы так хорошо с вами беседовали, кажется, обо всем договорились, а вы вот взяли и все поломали. Не дали мне даже закончить. Мы ведь обсудили только вопросы выплат. Но добраться до льгот еще не успели. А это очень важный вопрос, так что слушайте меня внимательно. У каждого члена музыкальной группы, которую я представляю, есть мой номер мобильного. Нажмет на кнопку, и я все узнаю. Так вот, если хоть один волос упадет с головы любого из них, я снова приду к вам. И переломаю вам руки. А потом ноги. И прикажу развесить под потолком бара ваше нательное белье. Не снимая его с вас. Надеюсь, мы поняли друг друга?

Локхарт кивнул.

– Прекрасно. Итак, льготы. Льгота номер два: другие музыкальные группы. Даже не будучи их представителем, я предлагаю заключить всеобъемлющее соглашение. В порядке любезности. Можете считать это моим вкладом в развитие искусства. Это означает, что, если я хоть когда-нибудь услышу, что вы обобрали еще хоть одного музыканта, я вернусь. И заберу все ваши деньги. И подвешу-таки ваше нательное бельишко прямо над баром, то есть именно так, как я уже говорил. Об этом мы тоже договорились, так?

Локхарт кивнул.

– Превосходно. А чтобы вы не сомневались в моих словах, я буду время от времени делать выборочный контрольный визит. Итак, когда здесь играет следующая группа?

– Завтра.

– Хорошо. Надеюсь, эти музыканты будут не хуже сегодняшних. Но если даже и нет, помните, что им нужно платить.

Глава 2

Расти Резерфорд был не из тех, кто вечно болтается без дела в местной кофейне. Было время, когда он каждый день ходил в одну и ту же. И всегда по пути на работу. Чтобы только получить порцию кофеина, и ничего больше. Не затем, чтобы болтать с кем-нибудь попусту. Он не искал новых знакомств, собеседников, – все это ему было малоинтересно. Каждый день у него был похож на предыдущий. Он спокойно становился в очередь и, пока стоял, размышлял о накопившихся к этому дню проблемах. И располагал их в порядке очередности. Как только его кофе был готов, он брал его и уходил. Весь процесс носил чисто деловой характер и не имел к стадной жизни никакого отношения. И даже после того, как целую неделю он провел в одиночестве в своей квартире, разрушить эту привычку оказалось не так-то просто.

Постоянные посетители не давали ему повода влиться в их среду. Появление его, как правило, не вызывало у них особых эмоций. Нельзя сказать, что они были рады его видеть, но и недовольства не демонстрировали. Они не проявляли к нему никакого интереса. Как, впрочем, и неприязни. Словом, в происходящих в этом заведении процессах человеческого общения с таким же успехом вместо него мог участвовать и манекен. Однако в этот понедельник он чувствовал себя магнитом с противоположной полярностью. Ему казалось, что он отталкивает от себя всех окружающих. Те, что были поближе, сторонились его, старались держаться подальше, так что вокруг даже образовалось пустое пространство, несколько большее, чем обычно. В редкие моменты ему удавалось обменяться с кем-нибудь взглядами, но этот человек сразу отворачивался, и у Резерфорда даже мысль не успевала возникнуть, чтобы завязать с ним разговор. Когда почти подошла его очередь, он до сих пор ни с одним ближним не обменялся ни единым словом. Зато обратил внимание, как барменша общается с двумя стоящими впереди него мужчинами, когда они подошли, чтобы сделать заказ. Во-первых, она им улыбнулась. Во-вторых, спросила: «Ну что, как обычно?» А вот ему от нее досталось только молчание.

– Как обычно, пожалуйста, – сказал Расти.

– Что это значит – обычно?

Расти услышал, как за его спиной в очереди кто-то захихикал. Ему захотелось бежать. Но нет, он пришел сюда из принципа. Чтобы бороться за свои права. Пусть хихикают, это не поколеблет его решимости.

– По-домашнему, средней крепости, без молока.

– Ровно два доллара.

Барменша повернулась, схватила стаканчик «с собой» и хлопнула его на стойку.

– Нет, – покачал головой Расти. – Мне хочется выпить здесь.

Барменша бросила на него взгляд, в котором читалось: «Да что ты? А вот мне очень бы этого не хотелось».

– О, простите, все правильно, – сказала она вслух. – Как это я забыла. Вы же потеряли работу. И торопиться вам больше некуда.

Она выбросила стаканчик «с собой» в корзину с мусором, взяла нормальную чашку, налила, расплескивая кофе на блюдечко, и, подвигая к нему, пролила еще больше.

В тот самый момент, когда Расти заходил в кофейню, зазвонил телефон. Звук донесся в доме, расположенном где-то в миле от города. В комнате, где находились двое. Мужчина и женщина. Едва только аппарат принялся верещать, женщина сразу узнала мелодию мобильного. И все поняла. Значит, боссу нужно остаться одному. И, не дожидаясь его приказа, она встала. Захлопнула записную книжку. Сунула ее в карман передника и направилась к двери.

Мужчина убедился в том, что значок защищенной линии на экране мобильного горит зеленым цветом, и нажал кнопку.

– Сперанский, слушаю вас.

Конечно, Сперанский – не его настоящая фамилия, но вполне могла бы и быть ею. Этот рабочий псевдоним он использовал уже больше пятидесяти лет.

– Контакт, – прозвучало в трубке одно только слово.

Сперанский на секунду закрыл глаза и свободной рукой пригладил спутанные седые волосы. Кажется, время пришло. За многие годы он разрабатывал множество планов. Был участником многих операций. Пережил множество переломных моментов. Но никогда еще ставки не были так высоки.

Для него. Лично. И для единственного человека в его жизни, к которому он был неравнодушен.

Как раз в ту минуту, когда по этому телефону устанавливалась связь, Джек Ричер сел в машину. К полному своему удовлетворению – и к крайнему неудовольствию хозяина бара, – разрешив сложную проблему из области физики (а также биологии), он шагнул к автобусной станции, собираясь последовать своему проверенному временем принципу, согласно которому надо садиться в первый же отходящий автобус, не важно, в какую точку земли он отправляется. Вдруг Ричер услышал, как за спиной к нему медленно приближается машина. Он наудачу выставил большой палец, и, к его удивлению, автомобиль остановился. Новенький, до блеска чистенький, ничем не примечательный. Скорей всего, взятый напрокат. Вероятно, в аэропорту. За рулем сидел опрятно одетый парнишка лет двадцати с небольшим. На нем был простенький темный костюмчик, он часто дышал и был бледен как полотно, из чего можно было сделать вывод, что он чем-то сильно расстроен и находится на грани настоящей паники. «Молодой бизнесмен», – подумал Ричер. Отпущен в первое самостоятельное дело. Боится запороть. И поэтому рушит все, к чему прикасается.

– Извините, сэр, – явно волнуясь, проговорил парень, еще более подчеркивая первое впечатление. – Вы не знаете, как добраться до шоссе I-40? Мне нужно ехать на запад. – Он ткнул пальцем в экран на приборной доске. – А этот навигатор все время врет. Все время посылает меня на какие-то несуществующие улицы.

– Знаю, – ответил Ричер. – Но на пальцах тут не объяснишь. Легче просто показать.

Парень явно заколебался, оглядел Ричера с головы до ног, будто только сейчас заметил, какой перед ним стоит крупный мужчина. Широкие плечи, мощная грудь. Немытые волосы. Небритый. Сеточка шрамов вокруг костяшек на пальцах громадных ручищ.

– Если, конечно, не хотите и дальше кружить по городу... – добавил Ричер, пытаясь изобразить на лице озабоченность.

Парнишка нервно сглотнул:

– А сами вы куда направляетесь?

– Мне все равно. Трасса I40 ничем не хуже остальных.

– Ну... ладно, – промямлил парень и секунду помолчал. – Садитесь, до трассы я вас подкину. Но там уже мне совсем близко. Вряд ли смогу подбросить, куда вам нужно.

– А вы далеко по ней едете?

– Миль семьдесят пять, не больше. Там есть один городишко, неподалеку от Плезантвилля. Вас устроит?

– А там есть кофейня?

Парень пожал плечами:

– Да есть, наверно. Если честно, я сам не знаю. Я там никогда не был.

– Ладно, думаю, устроит. Поехали.

Резерфорд взял чашку и тут только понял, что перед ним стоит еще одна непривычная дилемма. Куда сесть? Обычно у него таких проблем не возникало. Он брал свой кофе и ухо-

дил. И не видел десятка ошупывающих его недовольных глаз, пока он ищет ответ на вопрос, куда ему сесть. Расти боролся с желанием забраться в самый дальний угол кофейни. Это был бы наименее неприятный вариант, да, наверняка, но для того чтобы достичь поставленной им перед собой цели, он не годится. Возле окна тоже не пойдет: он еще не готов выставяться в витрине напоказ так открыто, – поэтому Резерфорд выбрал маленький столик в самом центре. Со столешницей, каждый квадратный дюйм которой был исцарапан надписями, и двумя стульями с обтянутыми красным винилом сиденьями. «Посетители развлекались», – подумал он, глядя на надписи. Тут были и слова из песенок. И какие-то стишки. И возвышенные афоризмы. Он пробежал по ним глазами, не нашел ничего созвучного его настроению и заставил себя поднять глаза. Сделал попытку встретиться взглядами с сидящими за другими столиками. Не получилось. Не считая ребенка, родители которого, когда до них дошло, что происходит, встали и вышли. Расти отхлебнул из чашки. Ему хотелось растянуть процесс как минимум на час. Он выпил весь кофе до самой гущи. Но все равно общения ни с кем, кроме как с барменшей, которая не упускала возможности время от времени бросать на него неприязненный взгляд, не получилось. Резерфорд заказывал еще кофе, менял столики. Но все без толку, удача от него отвернулась. Он выдержал еще сорок минут, а потом барменша подошла к его столику и сказала, чтобы он либо заказывал что-нибудь поесть, либо уходил.

– Еды я заказывать у вас не стану, – сказал ей Расти. – Лучше уйду. Но завтра приду снова. И послезавтра. Буду приходить каждый день, пока все не убедятся, что я ни в чем не виноват.

Барменша окинула его озадаченным взглядом и ретировалась обратно к стойке.

Расти встал.

– Послушайте, – сказал он.

Никто не обратил на него никакого внимания.

– Послушайте! – повторил Расти, повысив голос. – То, что случилось с городом, – это полный отстой. И я это понимаю. Но я в этом не виноват. Ни капельки. Правда состоит в том, что я пытался это предотвратить. Один только я, и никто больше.

Посетители никак не реагировали.

Барменша перегнулась через стойку, держа в руке стаканчик с кофе «с собой».

– Возьмите кофе и уходите, мистер Резерфорд. Никто вам не верит. И никогда не поверит.

И как раз в то время, когда Расти Резерфорд покидал кофейню, Джек Ричер въезжал в его городок. Выехать из Нэшвилла в нужном месте не было для него проблемой. Он прекрасно ориентировался и находил дорогу, полагаясь на свое чутье, а также на приметы, которые запомнил, глядя в окошко автобуса во время субботней езды, так что ни разу не заплутал и уверенно вывел машину на нужную трассу. Достаточно уверенно, а если и было что, то водитель ничего не заметил. Как только они оказались за пределами города, Ричер попросил парня настроить радио на местный канал, где играют блюзы, откинул спинку сиденья и прикрыл веки. Тексты песенок были не всегда целомудренные, но парнишка не обращал внимания и болтал без умолку. Рассказывал про Нью-Йорк. Про страховую компанию, где он работал. Про то, что ему только что дали повышение и назначили представителем фирмы по переговорам, и это его первое самостоятельное задание. Что он прилетел утром и должен принять участие в совещании в региональном отделении компании. По дороге заблудился, не знал, как выехать на трассу, чтобы попасть в городишко, где он должен помочь решить какую-то проблему. Что-то связанное с компьютерами. И иностранными правительствами. И какими-то ключами и порталами, и разными другими штуками, знать про которые Ричеру было не интересно. Погрузившись в сладкую полудрему, он слушал парнишку вполуха и открыл глаза, только когда почувствовал, что машина притормаживает и сворачивает на юг, на дорогу местного значения. После автомобильной развязки целых полмили они ехали мимо ресторанов, проездов, автосалонов

и однотипных гостиниц, коих здесь было великое множество. Потом началась открытая местность. Здесь, на плоских, равнинных землях, раскинулись сельскохозяйственные угодья, поля самых сложных конфигураций и контуров, а там, где были пересеченные участки с крутыми склонами, зеленели рощи высоких деревьев. Прошло десять минут, и они снова свернули на запад; дорога пошла извилистая, с крутыми подъемами и спусками; так они мчались почти целый час и наконец въехали в пригород какого-то городишки. Парень не останавливался, пока они не оказались, как предположил Ричер, на центральной улице, и только тогда он свернул к тротуару.

Ричер выбрался из машины и осмотрелся. Новое место неприятных ассоциаций не вызвало. Центр, судя по архитектуре, застраивался в основном в девятнадцатом веке, с дополнениями в результате вливаний наличности в строительную отрасль в пятидесятые. Некоторые дома, видимо самые старые, были снесены, что несколько разредело плотность застройки улицы. И кое-какие пустоты заполнились более новыми зданиями, выделяющимися своим возрастом на общем фоне. Но общая, стандартная планировка осталась неизменной. Достаточно компактная, всего с одним перекрестком, где власти решили установить светофор. В тот день он не работал, что смущало некоторых водителей транспорта и приводило к путанице. Но в остальном все было прекрасно. Во всяком случае, с кафешками и забегаловками был полный порядок. Ричер подумал и решил, что если и задержится здесь, то на пол-часика, не больше. С этим городом его ничего не связывало. Здесь не было могил его предков. Не было интригующего названия. С военной точки зрения город тоже ничего из себя не представлял. Интересных вывесок или сооружений он не приметил. Связи с его излюбленными музыкантами тоже никакой. Так что оставаться здесь не было никакого смысла. Выпить кофе и двигаться дальше. Есть места куда более интересные.

Шагая по западной части главной, как ему показалось, улицы, до перекрестка с неработающим светофором Ричер не дошел полквартала. Напротив по диагонали виднелась кофейня. В других местах города наверняка имелись и другие подобные заведения, но Ричер не видел смысла в том, чтобы это проверять на практике. Человек он неприхотливый. И, воспользовавшись очередным замешательством в дорожном движении на перекрестке, Ричер стал пересекать улицу.

Направлялся он напрямиком к кофейне. А Резерфорд как раз из нее выходил. Сначала Ричер не обратил на него внимания. Просто прохожий, маленький, ничем не приметный, со стаканчиком кофе «с собой» в руке, идет куда-то по своим делам. Не важно каким. Но буквально через секунду в нем вдруг пробудился интерес к этому человеку и стал неуклонно расти. По спине пробежал холодок. Как тревожный сигнал, поданный некой первобытной системой оповещения, напрямую подключенной к коре его головного мозга. Безотчетное, на уровне подсознания узнавание ситуации. Рисунок движений. Словно хищник кружит. Обдумывает, как напасть на свою жертву. Двое мужчин и одна женщина. Рассредоточиваются. Тщательно выбирают позицию. Планируют согласованные действия. Готовятся захлопнуть ловушку.

Трое на одного. Самого Ричера вряд ли обеспокоило бы такое превосходство противника. Но потенциальной жертвой сейчас был не Ричер. Это ясно как божий день.

Мужчины заняли позиции с двух концов квартала. Один на западе, прямо перед перекрестком с неработающими светофорами; прикидывается, будто бы разглядывает витрину магазина. Другой – с восточной стороны, где квартал заканчивается переулком; этот делает вид, что ковыряется в своем мобильнике. Дистанция около ста тридцати футов. Женщина расположилась на другой стороне переулка, там, где начинается следующий квартал. Еще десять футов. К северу от тротуара сплошной ряд домов. Улица идет на юг. Двери магазинов, и, если правильно рассчитать время, можно быстро заскочить. Перебежать улицу, если не будет машин.

Резерфорд двигался на восток. Не спешил. Но и не зевал по сторонам. Просто шел, замкнувшись в своем мирке. «Но не бесцельно», – подумал Ричер. Скорее, чем-то слегка оза-

боченный. Шагает знакомым маршрутом. Вполне довольный окружающим миром. Настолько, что можно его не замечать вообще. Не ищет дверей магазинов. Не обращает внимания на мчащиеся по улице автомобили.

Тот, что с западной стороны, ростом около пяти футов десяти дюймов. В простенькой черной футболочке и в свободных штанах с большими карманами на ногах. Голова выбрита, в ухе торчит телефон, какие Ричер частенько видел у деловых людей. Тот, что на востоке, примерно таких же размеров. В такой же одежде. С такой же прической. И с таким же телефоном в ухе. Женщина на другой стороне переулка тоже в черном, но ее одежда плотней облегает фигуру, и волосы на голове бритвой не тронуты. Длинные такие, рыжие волосы, подвязанные сзади в конский хвост.

Тот, что на западе, оторвался от витрины и зашагал на восток. В пятнадцати футах позади Резерфорда. Двигался легко, раскованной, пружинистой походочкой. Ему явно приходилось укорачивать шаг, чтобы раньше времени не догнать свою жертву. Впереди, на самом краешке тротуара какая-то женщина остановилась и наклонилась к ребенку в легкой детской колясочке. За ней стояла парочка, они о чем-то болтали. Оба в спортивных костюмах. Обычные прохожие. К происходящему не имеют никакого отношения. И ни о чем не подозревают.

Ловушка сейчас составляла около сотни футов в поперечнике.

Тот, что на востоке, тронул пальцем наушник. И почти сразу в конце переулка показался легковой автомобиль. Выкатил откуда-то из тени. Безликий и незаметный такой седанчик. Фирмы «Тойота». Темно-синего цвета. Ехал беззвучно. Ричер лишь визуально мог наблюдать, что он движется. «Полностью на электрическом ходу», – подумал он. Крутая тачка. Жаль, что таких не было в 110-м полку в прежние времена.

Ловушка сузилась до восьмидесяти футов. Ричер ступил на тротуар.

Резерфорд подошел к женщине с колясочкой. Когда он с ней поравнялся, она выпрямилась. Ребенок бросил плюшевого мишку на землю. Резерфорд наклонился и поднял его. Может быть, Резерфорд вовсе не такой недотепа, как выглядит. Прекрасный маневр, чтобы посмотреть, кто у него за спиной. Может быть, он отлично знает, что за ним следят. Но оптимизм Ричера насчет Резерфорда внезапно рассеялся. Тот ничего, кроме ребенка, словно не видел. Протянул ему игрушку. Женщина резко выхватила ее у него, окинув Резерфорда злобным взглядом. И он пошел дальше.

Ловушка сузилась до шестидесяти футов. Ричер сменил направление движения. Пошел на восток. В тридцати футах за спиной парня, шагающего с запада.

Парочка в спортивных костюмах отошла от стены. Руки их мелькали в воздухе все более энергично. Разговор, должно быть, принял серьезный оборот. Выставив вперед плечо, мужчина шагнул вперед. Врезался в Резерфорда, расплескав ему кофе. Но подруга была уже рядом. Схватила его за руку и потащила прочь, сердито тряся головой.

– Эй, вы! – крикнул им вслед Резерфорд.

Ответа не получил.

«Оглянись, – мысленно приказал ему Ричер. – Наплюй на этих идиотов-спортсменов. Посмотри на мужика, который идет за тобой».

Резерфорд не оглянулся. Продолжал идти дальше.

Ловушка сузилась до сорока футов. Еще двадцать футов между Ричером и мужчиной, идущим с запада.

В том, что сейчас случится, сомневаться уже не приходилось. Ричер видел это так же отчетливо, как буквы пишущего по небу дымом самолета. Машина прокатит еще немного вперед, так чтобы задняя ее дверь была на одном уровне с тротуаром. Тот, кто идет с востока, откроет ее. Тот, что с запада, толкнет в проем Резерфорда и сам запрыгнет за ним. Женщина юркнет с другой стороны. Тот, что идет с востока, сядет рядом с водителем. И автомобиль

уедет. На всю операцию уйдет не больше пяти секунд, если все пройдет без сбоев. И тишина. Без шума и пыли. Никто ничего не заметит.

Ловушка сузилась до двадцати футов. Между Ричером и мужчиной, идущим с запада, уже десять футов. Самое время принимать решение.

Теперь уже четверо против одного. А может, и пятеро или шестеро, если у них есть мобильная поддержка. Самого Ричера такое превосходство в силах мало беспокоило. Но жертвой их был не он.

А машина уже тут как тут, будто по заказу. Ни о чем не подозревающий Резерфорд остановился. Наверное, просто какой-то нетерпеливый водитель решил срезать путь через переулок. Он отхлебнул кофе, поджидая, когда автомобиль проедет. Но он стоял как вкопанный. Человек с восточной стороны открыл заднюю дверцу и стоял, придерживая ее. Вторым прибавил шагу. Чуть уже не бежал. Лево́й рукой накрыл макушку Резерфорда. Правой схватил Резерфорда за локоть. Стал разворачивать его в сторону заднего сиденья. Но оказался чересчур медлительным. Руки его держали только пустой воздух.

Ловушка сузилась до нуля футов. Ричер поравнялся с мужчиной, который двигался с запада, и встал от него слева. Схватил Резерфорда за воротник. Правую руку стальной преградой упер в грудь его похитителя. На правой ноге развернулся по часовой стрелке. Оттолкнул Резерфорда назад и в сторону. И удерживал его там вне досягаемости кого бы то ни было.

– Давайте разберемся культурно, – сказал Ричер. – Покажите свои документы или садитесь в машину и уезжайте.

– Отпусти его, – сказал тот, что пришел с запада.

– Если есть законное основание задержать его, у вас должна быть официальная бумага. Если имеется, покажите. Если нет, уезжайте. Это ваш последний шанс.

– Какого черта, кто ты такой?

– В сложившейся ситуации вы должны придерживаться определенных правил.

– Да кто ты такой?

– Я предложил вам два варианта действий. Ваши вопросы не вписываются ни в один из них.

– Отпусти его, – сказал мужчина.

Он попробовал обойти Ричера и уже протянул руку, чтобы схватить Резерфорда. Но Ричер стукнул ему кулаком в висок, он врезался в стену, отскочил от нее, как мячик, и рухнул на землю, словно марионетка, у которой обрезали все ниточки.

Ричер повернулся к другому:

– У вас остался последний шанс. Забирайте свой мусор и проваливайте. Если не хотите, с вами будет то же самое, до кучи. Выбирайте. Меня устроит любой вариант.

Боковым зрением Ричер заметил какое-то движение. Стекло рядом с пассажирским креслом поехало вниз. Сидевшая за рулем поднимала руку. И смотрела ему прямо в глаза. У нее там что, пистолет? Ричер не стал ждать, чтобы убедиться в этом. Он отпустил Резерфорда и крутанул мужчину, который пришел с востока, лицом к машине. Схватил его за шкуру и за ремень. И запустил головой вперед прямо в открытое окошко; тот вошел плотно, как пробка в горлышко бутылки, руки его зажало краями окошка, ноги беспомощно брыкались.

Ричер сделал шаг назад, чтобы его не задело; Резерфорд оставался на месте, стоял как вкопанный. Вдруг Ричер скорее почувствовал, чем услышал, что прямо к ним несется некий тяжелый предмет. Он схватил Резерфорда, оттолкнул, и через мгновение к тротуару шатнулась черная «шевроле» и резко остановилась там, где только что стоял Ричер. Дверца водителя распахнулась, оттуда выскочил мужчина. Ростом он был поменьше остальных, но гораздо более жилистый. А с другой стороны выскочил еще один и присоединился к первому. Секунду они стояли бок о бок, оба приняв какую-то странную бойцовскую стойку, но тут же расслабились. Сделали шаг вперед. Видно было, что они привыкли работать вместе. И делали это уже не раз.

– Отойдите в сторонку, мистер, – сказал тот, что сидел за рулем. – Не суйте нос не в свое дело. Этот парень поедет с нами.

Ричер покачал головой:

– Ну уж нет, ребята. Он явно не хочет с вами, и этот вопрос больше не обсуждается. Остается другой вопрос: с вами-то что делать? Уберетесь сами по-тихому или вам не терпится с вашими друзьями тоже в больничку?

Водила не ответил, а Ричер тем временем услышал какие-то царапающие звуки с другой стороны «шевроле». Мужчине, которого он воткнул в окошко «тойоты», удалось выкарабкаться, и теперь, с помощью женщины из переулка, он пытался потихоньку втиснуть своего пребывающего в отключке товарища на заднее сиденье. А вокруг них между тем образовался круг зевак, начинающийся на тротуаре, но уже переливающийся и на проезжую часть. Ричер вспомнил, как в первый день учебы в каждой новой школе вокруг них с братом Джо на школьном дворе собиралась толпа. И они становились спина к спине, готовясь дать отпор. Он посмотрел на Резерфорда. Не видно было, что тот собирается удрать, и это уже было кое-что. Но Ричер понимал: если толпа озверееет, толку от Резерфорда будет мало.

Те двое переглянулись. Прикидывали, что делать дальше. Похищение пошло коту под хвост, и теперь перед ними стоял выбор между лобовой атакой и тактическим отходом. Ни один из вариантов, похоже, им был не по душе. А тут еще и сирена завывала. Прохожие рассыпались кто куда. Двигатель взвыл; видно, сидящий за рулем так вдавил педаль газа, что машина, чуть не встав на дыбы, рванула с места. Жилистые ребята попрыгали в «шевроле», дали задний ход, врезались в передний угол полицейской патрульной машины, подоспевшей первой, и умчались вдаль. Резерфорд как стоял неподвижно на месте, так и продолжал стоять, вытаращив глаза и отвесив нижнюю челюсть.

Неподалеку стояли уже две полицейские машины с выключенными сиренами и мигалками. Из них выскочили четверо. Трое немедленно направились к тротуару. Четвертый задержался, чтобы оценить повреждение. У каждого имелось по пистолету, но руки они держали опущенными. «Считают, что с таким численным преимуществом беспокоиться не о чем, – догадался Ричер, – и просто решили не перестраховываться». Что ж, вполне разумная позиция.

– На землю, – приказал старший. – Лицом вниз.

– Вы нас арестовываете? – спросил Ричер.

– А ты чего ждал? Что сейчас угощу тебя конфеткой? Ложись и не вякай.

Ричер не пошевелился.

Полицейский подошел поближе:

– Я сказал, на землю. Немедленно.

Полицейские везде одинаковы, во всем мире. Как только начинают работать на публике, заднего хода от них не жди. И любая попытка заставить их – пустая трата времени. Ричер знал это по личному опыту. Однако существуют же правила, которых надо придерживаться.

– Ну хорошо, – сказал Ричер. – Я вас послушаюсь, вы нас арестуете. Но через пять минут нас все равно отпустят. Так что давайте обойдемся без этих глупостей.

Глава 3

Временная база группы была организована неделей раньше, в одном из мотелей, в восьми милях к западу от города. Интенсивность дорожного движения здесь была слабая, и теоретически до города можно было добраться, не привлекая нежелательного к себе внимания, минут за двенадцать. Но в тот день сидящим в обеих машинах, чтобы проделать путь обратно, понадобилось существенно больше времени.

Парни из «шевроле» добрались первыми. Для них это было проще, поскольку ни тот ни другой не был ранен. Сначала они проехали десять миль на север. Сидящий за баранкой, известный под именем Василий, чтобы не попасть в лапы полиции, сначала дал было газу, но потом сбросил скорость и ехал лишь чуточку быстрее ограничения, и скоро они достигли густой лесополосы, за которой расстилался широкий пустырь. Местечко было вполне укромное, но они понимали, что сжигать здесь их поврежденный автомобиль было бы неразумно. Это все равно что послать копам карту с меткой, а вдобавок приписать: «Здесь находится городской внедорожник, который вы ищете». И если бы его можно было вывезти отсюда, то этот «шевроле» им еще как пригодился бы, так что они принялись за работу. Включив заднюю передачу, Василий направил машину прямо на железобетонный столб в конце забора и врезался в него. Потом отъехал, повторил маневр, выбрался из автомобиля и проверил вмятину. «Нормально», – решил он. Вполне глубокая, чтобы скрыть небольшую вмятину, полученную, когда они задели полицейскую машину, но и не столь заметную, чтобы дать патрульному предлог их остановить. Он объехал лесополосу, вытер все, что можно, в кабине, а его напарник по имени Анатолий тем временем поменял номера. Потом они пересели во вторую машину и на ней по диагонали проделали заключительный тринадцатимильный отрезок пути.

За рулем «тойоты» сидела Наташа. Сначала она направила автомобиль на юг и проехала шесть миль. Наташа проделала это легко и не торопясь. Ехать не спеша у нее был свой резон. Она очень беспокоилась о том, как идут дела у подельников. Парень, которым Ричер заткнул окошко, Петя, в результате серьезно повредил плечо. Наташа не знала, в какой момент именно, когда им затыкали окно или когда вытаскивали обратно. Тогда он молчал, но теперь лицо его было бледным как полотно, и всякий раз, когда машину встряхивало, он постанывал. Илья же, которого Ричер вырубил, был все еще без сознания. Наташу все это очень тревожило, ей не хотелось, чтобы ее товарищи пострадали еще больше. Она искренне желала, чтобы оба как можно скорее встали на ноги, насколько это было в человеческих силах. Обрисовать все, что случилось сегодня, иначе как полный провал было трудно. А с провалом над ними нависла угроза замены, которая увеличивается, если команда останется неукомплектованной. И этого следует избежать любой ценой.

Проехав пятнадцать минут, они остановились на стоянке возле дешевой придорожной кафешки. Наташа поменяла номера, в то время как другая женщина, Соня, помогла Пете перебраться в другой, сменный автомобиль. Потом обе они вместе перенесли бесчувственного Илью и удалили следы своего пребывания в кабине первого. И двинулись дальше, к мотелю, но не прямо, а сделав крюк, что удлинит дистанцию на двенадцать миль, и, в общем-то, без этого можно было обойтись.

На каждом отрезке пути Наташа старалась вести машину не торопясь. Отчасти благодаря основательной выучке. А отчасти и оттого, что всегда старалась делать свою работу как следует, чем очень гордилась. Но главным образом в связи с тем, как мало она ждала от следующего этапа всего процесса. Доклад. Сделать звонок ей было не очень трудно. Наташа без проблем опишет все, что произошло. Она знала, что связник выслушает ее не перебивая. Все возможные вопросы прибережет к концу доклада. Даст отбой. И потом останется только ждать вердикта. Продолжать работу. Или выйти из игры. Получить шанс на победу. Или потерпеть крах.

Информация пойдет по цепочке наверх, от инстанции к инстанции, а там уже примут решение. Кто к этому причастен и на каком уровне это происходит, Наташа не знала. Но вся система устроена именно так. Ради обеспечения безопасности. В мире, где она сейчас обитает, царит так называемый принцип компартиментализации, то есть разделения всей сети на отдельные звенья. Она подозревала, что должны быть и местные связи. Кто-то, кто держит нос по ветру и руку на пульсе. Он первым делом поднимет тревогу. И возможно, да, а возможно, и нет, тоже вовлечен в игру. Возможно, да, а возможно, и нет, он влияет на результат принятия конечного решения. Вычислить его или ее было бы вполне реально, считала она. А может, и необходимо. И конечно, желательно. Но эту проблему Наташа будет решать позже. Сейчас нужно беспокоиться только о том, чтобы группа, а следовательно, и сама она тоже, продолжала заниматься оперативной работой.

Старший офицер взял на себя труд обыскать Ричера лично. Делал он это со всей тщательностью. Не торопясь. Резерфорда затолкали на заднее сиденье первой машины еще до того, как полицейский добрался до талии Ричера. «Авторитет восстанавливает», – догадался Ричер. Хочет показать, по чьим правилам тут играют. Ричер стоял не двигаясь и дал ему закончить. Потом полицейский отошел в сторонку и сделал звонок по мобильнику, а другой проводил Ричера ко второму авто и усадил сзади.

Ричер думал, что полицейский участок находится где-нибудь не в самом центре города, – здесь земля и недвижимость дешевле, – и удивился, когда путешествие закончилось уже через две улицы. Благодаря мигалке с сиреной они пулей проехали перекресток, на следующем повороте свернули налево, потом снова налево и встали на стоянке рядом с довольно большим зданием из песчаника. Фронтон его подпирали колонны в греческом стиле, стены были украшены параллельными рядами многочисленных окон. Сидевший за рулем служитель закона поставил машину рядом с той, которую так неловко задела «шевроле», и вышел. Табличка в рамке гласила, что в этом здании располагается городской суд, а маленькими буквами снизу было приписано, что здесь же пребывают городское казначейство, канцелярия города, а также полицейский участок. Для полного комплекта не хватало только городской тюрьмы.

Полицейский провел их мимо входа с портиком посередине фасада здания – этот вход, видимо, был предназначен только для тех членов общества, которых не арестовывают, – и завернул за угол. Остановился перед простой металлической дверью и, не обращая внимания на щель сканера для считывания магнитных карт, открыл ее своим ключом; по тускло освещенным ступенькам цементной лестницы провел Ричера вниз. Они оказались перед стойкой дежурного. Та была до самого потолка закрыта стеклом, полностью занавешенным шторами. Напротив располагалась лестница, украшенная с обеих сторон медными перилами; видимо, по ней добропорядочные граждане поднимались наверх, чтобы подать заявление, навести справки или обратиться с каким-нибудь иным законным делом.

Полицейский нажал на кнопку звонка; через секунду отворилась дверь, за которой оказалось помещение регистрации арестованных с «обезьянником». За большим деревянным столом их уже поджидал еще один полицейский. За его спиной стояло два письменных стола, а на них старенькие, но еще вполне пригодные компьютеры, которые в данный момент были выключены, а также стопка глубоких, раскрашенных во все цвета радуги пластиковых подносов и анемичный и блеклый цветок в горшке. Стены были увешаны плакатами, предупреждающими граждан о рисках, связанных с преступным миром, и поощряющими их самим брать на себя ответственность за собственную безопасность. Полицейский цапнул один из подносов и бросил его на стол поближе к Ричеру.

– Положите сюда ваши личные вещи, – скучным голосом проговорил он. – Когда выпустят, получите их обратно.

Ричер выложил наличные деньги. Зубную щетку. Пластиковую карту. И паспорт.

– Это все?

– А что мне еще нужно?

Полицейский пожал плечами и стал пересчитывать деньги. Когда закончил, выписал и вручил Ричеру расписку и повел его по коридору к двери с табличкой: «Допросная № 2». Стены в ней были обшиты звуконепроницаемой плиткой. Ричер и раньше бывал в таких комнатах. Он знал, что стены в них полностью поглощают звук. И служат одним из компонентов психологического фокуса, дающего подозреваемому иллюзию, что они находятся там, где можно спокойно поливать грязью своих поделщиков и они об этом ничего не узнают. К гладкому цементному полу намертво были привинчены металлический стол и два стула. Окно для наблюдения с этой стороны выглядело как зеркало, и стены по всему периметру на уровне живота были опоясаны тревожной ленточкой. Ричер подозревал, что его привели сюда, потому что здесь у них только одна камера. И им не хотелось бы, чтобы он получил возможность перекинуться словом с человеком, которого спас. Слишком большой риск: а вдруг они договорятся и станут давать одинаковые показания? Было понятно, что им нужно выдержать его в состоянии тревожного ожидания. Как минимум час. Может быть, даже два. Обычная тактика. Полная изоляция порождает в человеке желание поговорить. А уж оно легко может обратиться в потребность во всем признаться. Он сам частенько пользовался таким приемом. Да и против него этот рычаг не раз применяли.

Оба стула были привинчены слишком близко к столу, сидеть было неудобно, поэтому Ричер устроился на полу у стенки напротив двери. Она снова открылась, когда метроном в голове сообщил ему, что с тех пор, как его сюда сунули, прошел час и тридцать семь минут. Или девяносто семь минут. Самое большое двузначное неделимое число. Одно из самых его любимых. Добрый знак. Только вот самодовольная улыбочка на лице вошедшего в комнату человека не предвещала ничего хорошего. На вид ему было не больше тридцати. Кудрявые волосы, круглая физиономия. Продолжая улыбаться, он сел на стул спиной к «зеркалу»:

– Вижу, вы тут совсем обжились. Прошу прощения, что заставил вас ждать. Может быть, сядете на стул? Вот здесь, напротив. Побеседуем, посмотрим, как можно уладить ваше дело.

Ричер пожал плечами, словно ему все равно, где сидеть, встал, потянулся и кое-как втиснулся на стул с другой стороны стола.

– Меня зовут Джон Гудиэр, – представился человек, улыбаясь еще шире. – Я работаю здесь следователем.

– Джек Ричер.

– Я это знаю. Но вот чем вы занимаетесь, мне неизвестно. Что вы делаете в моем городе?

– Ничего. В вашем городе я оказался случайно.

– В каком смысле – случайно? Вас похитили инопланетяне и случайно забросили сюда?

– Я приехал сюда на попутке. Меня подвез один парень. У него здесь какое-то дело. Задерживаться я здесь не собирался. Хотел просто перекусить. Выпить кофе. А потом ехать дальше.

– Другими словами, вы планировали задержаться здесь ровно на столько, чтобы успеть обчистить какой-нибудь магазин?

– Что?

Гудиэр достал из кармана зубную щетку Ричера и положил ее на стол:

– Видите ли, я ввел вас в заблуждение. Мне все-таки известно, что вы тут собирались сделать. Выставить эту штуку, держа руку в кармане, будто там у вас пистолет. Люди не всегда на это клюют, но многие просто не хотят рисковать. Я прав?

– Вы идиот.

– Правда? – улыбнулся Гудиэр. – В таком случае расскажите мне все сами.

Он достал рулончик бумажных денег Ричера и положил его на стол рядом с зубной щеткой.

– У вас есть банковская карта, но вот эти банкноты вы ни в каком банкомате не брали. Там выдают свеженькие, хрустящие. А такие застревают, могут машину застопорить. Где вы их взяли?

– Заработал.

– Как?

– Это для меня было новое дело. Попробовал силы в музыкальном бизнесе.

Гудиэр наклонился к нему поближе:

– Послушайте умный совет, Ричер. У нас на дворе двадцать первый век. В каждом полицейском участке есть компьютеры, и все они соединены друг с другом. Я разослал ваши приметы по всему штату Теннесси, а также по девяти ближайшим штатам. И совсем скоро получу результаты. Очень скоро. Возможно, уже через несколько минут. Разумнее будет признаться раньше. Расскажите все сами, прямо сейчас, и я помогу вам правильно оформить показания. А тянуть время, пока я не получу пачку распечаток из всех штатов... для вас же хуже. Намного хуже. Кто знает, какая придет насчет вас информация, какие могут всплыть факты? Для начала бродяжничество, уж это само собой.

– По дороге в город я что-то не видел ни одного озерца, – сказал Ричер. – Теперь мне становится понятно.

– Что понятно?

– Почему вы пытаетесь ловить рыбку здесь, причем в мутной воде. У вас нет причин подозревать меня в каких-нибудь преступлениях. Да, я путешествую налегке. И что из этого? Я это делаю уже много лет. С тех пор, как уволился из армии. И, скажу вам прямо... ни с какими полицейскими управлениями вы не связывались.

– С чего это вы взяли?

– Если бы это было так, вы давно получили бы ответ. Давайте начистоту, я ведь человек заметный, верно? И ни в Теннесси, ни в других штатах вы не найдете преступников с моими приметам. Но дело даже не в этом, и по двум причинам. Первая: я нигде долго не задерживаюсь. А вторая: вы просто не могли связаться ни с каким отделением полиции. Системы у вас не работают.

Улыбочка Гудиэра сразу слиняла.

– Что вы знаете о наших системах? Что вам рассказал Резерфорд?

– Тот парень, которого вы незаслуженно арестовали? Ничего. Мы вообще не разговаривали. Мне и не надо было. У меня своя, автономная система.

– Что за система такая?

– Голова на плечах, с глазами, и мозги варят. Да бросьте вы, детектив. Это же дураку понятно. Ваш офицер докладывал о моем аресте по мобильнику. Дистанционный пульт в его машине не работает. Компьютеры в помещении, где оформляют задержанных, выключены. Камеры видеонаблюдения тоже не работают. И такое творится не только в полицейском участке. Светофоры в городе тоже вышли из строя. И вообще, в вашем городе происходит черт знает что. В чем дело?

Гудиэр поерзал на стуле, но на вопрос не ответил.

– Ну хорошо. Давайте опустим все то, что к делу не относится, и заглянем вглубь проблемы. Почему кто-то хотел похитить Резерфорда? По виду, человек он совершенно безобидный.

– А кто говорит, что его хотели похитить?

– Я.

– Да что вы понимаете в похищениях?

– Кое-что понимаю. Когда я вижу такое, мне сразу ясно: это засада. А ваш Резерфорд ничего этого не видит. И он нуждается в защите. Вы должны пока поддержать его под арестом,

для его же блага. И позвонить в ФБР. Похищения людей – это их компетенция. Это, полагаю, не составит большого труда.

– Давайте не будем бежать впереди паровоза. – На губах Гудиэра снова заиграла улыбочка. – Не рановато ли выходить на федеральный уровень? Ну да, может быть, эти типы, которым вы начистили морду, пытались схватить Резерфорда. Но вы что, умеете читать чужие мысли? Вы же не знаете, что они собирались с ним сделать. Если они пытались схватить его – а я не утверждаю, что так и было, потому что мы этого не знаем, – возможно, они просто хотели отвезти его куда-нибудь в тихое местечко, где можно откровенно обменяться взглядами. Может быть, даже выдать ему добрых старых звездюлей. При всем уважении, я не могу утверждать, что он этого не заслуживает. Черт возьми, если бы это была попытка мести, весь город ходил бы в подозреваемых. И мне понадобилась бы еще одна тюрьма, да и размерами побольше. И даже если вы правы, поверьте, все хорошо, что хорошо кончается. И давайте на этом поставим точку.

– А почему не написать заявление? Я напишу, вы отправите в ФБР. Сделаете свою работу. Ведь ваша работа – служить и защищать, или как там говорят у вас в штате. Для этого и компьютер не нужен.

– Приберегите свои идиотские теории для себя.

– Нет, ну почему вам так хочется сунуть дело под сукно? Что такого натворил этот ваш Резерфорд?

– А почему вам так хочется вынести сор из избы? В вашем положении, Ричер, это не очень-то умно. Будете продолжать в том же духе, и мне захочется повнимательней приглядеться к вашей здесь роли. Говорят, одного вы избили до потери сознания. Другого засунули в окошко автомобиля. За такие фокусы можно получить реальный срок.

– Я никого не избивал. Просто тротуар был какой-то скользкий. Вот и все. Первый сам поскользнулся и ударился о стенку. А второй просто споткнулся. Ему еще повезло, что окошко в машине было открыто, а то получил бы большой синяк.

– Ладно. Давайте вернемся туда, откуда мы начали. Вы сказали, что эти люди пытались Резерфорда похитить. Зачем?

– Откуда мне знать? Никто не хочет сказать мне, в чем он провинился.

– Что между вами общего?

– Между нами нет ничего общего.

– Это он дал вам эти деньги? – Гудиэр кивнул на стол.

– Нет.

– Он нанял вас своим телохранителем?

– Нет.

– Как он с вами связывался?

– Он никак со мной не связывался.

– Где вы познакомились?

– Мы не знакомы. И никогда раньше не виделись. До сегодняшнего дня. Я просто увидел, что он направляется прямо в ловушку. Я помог ему не попасть в нее. Это получилось спонтанно.

– Вы что, добрый самаритянин?

– Наверно.

– Куда Резерфорд ходил до того, как был в кофейне?

– На луну. У него там тайное любовное гнездышко. Я подумывал взять его напрокат, но раздумал, зеркала на потолке маловаты.

– Советую вам относиться к нашей беседе серьезно, мистер Ричер.

– А зачем? Ведь и вы дурака валяете.

Гудиэр ничего на это не сказал.

– Если хотите, чтобы я был серьезен, дайте мне листок бумаги. Я напишу заявление в ФБР.

– Никакой бумаги вы от меня не получите.

– Тогда отвезите меня на трассу.

– Я следователь, а не таксист.

– Тогда, раз уж вы не предъявляете мне обвинения в грабеже воображаемого магазина, похоже, делать мне здесь больше нечего. Или я вызову своего адвоката.

– Адвокат не понадобится, – сказал Гудиэр и помолчал. – Ну хорошо. Вы можете быть свободны. Но примите мой добрый совет. Долго у нас не задерживайтесь. Как можно скорее покиньте город. Лучше прямо сейчас. И самое главное. Никаких общих дел с Расти Резерфордом.

Глава 4

Гудиэр проводил Ричера обратно в помещение регистрации, положил перед ним на стол деньги, зубную щетку и отправился к себе в кабинет. Ему понадобилось сделать звонок без свидетелей.

Другой полицейский, словно игрок в покер, выложил перед Ричером паспорт, пластиковую карту, а за ними расписку и ручку. Ричер подписал, рассовал свое богатство по карманам, а когда служитель закона попытался направить его в сторону черного хода, покачал головой. И направился ко входу парадному, проскочив мимо развешанных по стенам гулко-го фойе с мраморным полом портретов в рамочках. Подойдя к выстроившимся в ряд трем дверям, он толкнул ту, что посередине, вышел, обогнул какую-то грубо сколоченную временную постройку, к которой соорудили наклонный въезд, и повернул к главной улице. Отправляться в путь, не выпив кофе, желания у него не было. Приоритет есть приоритет. Он уже пересекал газон, и, когда поравнялся с площадкой автомобильной стоянки, его окликнул чей-то голос. Это был Резерфорд. Он подждал Ричера возле металлической двери, а сейчас с поднятой рукой семенил ему наперерез.

– Извините... простите, не знаю вашего имени. Прошу вас, подождите.

Ричер замедлил шаг, и Резерфорд догнал его.

– Меня зовут Расти Резерфорд, – сказал он и протянул руку.

– Джек Ричер.

– Мистер Ричер, можно с вами поговорить?

– Если только на ходу. Мне срочно нужно быть в одном месте.

– Прошу вас. – Резерфорд задыхался и явно был не в себе. – Остановитесь. Хотя бы на минутку. Я вас долго не задержу.

Ричер остановился.

– У меня к вам два пункта. Во-первых, благодарю вас. Вы меня там спасли.

– На здоровье.

– И второе... Мне надо спросить вас кое о чем. Мне угрожает опасность, да? Следователь там говорил про какой-то угон автомобиля, но это все не то. Перед тем как меня допрашивали, у меня было время подумать, когда я был в камере. То, что случилось, произошло не случайно. Это было спланировано. Эти люди меня дожидались. Сначала-то я подумал, что они охотятся за вами. Со мной ведь никогда ничего подобного не случалось. Но потом я вспомнил, что, до того как вмешались вы, один из них пытался схватить именно меня. И затолкнуть меня в машину. Следователь сказал, что я все перепутал. Что я ошибся. Но ведь я не ошибся, правда? И я хочу знать, что это все значит?

– Понятия не имею. Я в вашем городе человек случайный. Вас я совсем не знаю. Не знаю, что такого вы могли натворить, чтобы так расстроить людей. Не знаю, что с вас можно взять. Но здесь, в вашем городе, явно происходит что-то странное. В этом я не сомневаюсь.

– И что же мне делать?

– Уж это решать вам. Мой принцип: надейся на лучшее, но готовься к худшему. Поэтому, судя по вашим обстоятельствам, я бы посоветовал поскорей удрать из города. Пусть все уляжется само по себе. А когда все устаканится, можно и вернуться.

– Уехать из города? – вытаращил глаза Резерфорд. – Ну нет. Мне нельзя уезжать.

– Почему?

– Тогда все подумают, что во всем виноват я.

– В чем – во всем?

– Это долгая история.

Ричер минутку подумал. День уже постепенно склонялся к вечеру. Он очень проголодался. Надо было что-то поесть либо здесь, либо где-то еще. Но поймать попутку в темноте гораздо труднее. Из-за плохой видимости на трассе. И еще ему было очень интересно узнать, почему этот тихий, безобидный человечек в рубашке, заляпанной пятнами от кофе, считает, что не выглядеть в глазах «всех» виноватым гораздо важнее собственной безопасности.

– Где тут поблизости продают бургеры? Мы могли бы перекусить, и вы бы все спокойно рассказали, что к чему.

– Но вы же сказали, что куда-то торопитесь?

– Да, тороплюсь. Но могу и немного задержаться. В жизни надо стараться быть гибким. Говорят, это полезно для здоровья.

В ту самую минуту, когда Ричер разговаривал с Резерфордом, до Сперанского пытались дозвониться двое. Один на одноразовый мобильник. Другой – на аппарат защищенной связи. И оба какое-то время безуспешно. В конце концов дозвонились, но не сразу. Телефон был недоступен. Дело было в том, что Сперанский спустился вниз, в генераторную. Всего на пару минут. В последний раз хотел полюбоваться перед тем, как экономка все там подчистит. Ясное дело, ждать больше нельзя. Пятнам крови уже больше двух недель. Фигурантка держалась довольно долго. Но все-таки предоставила кое-какую важную информацию. Рассказала про Резерфорда. Про то, что есть у него в распоряжении. С профессиональной точки зрения эта информация была бесценна. А самостоятельный процесс ее добывания словно снова вернул ему молодость. В последние дни у него было мало «мокрой» работы. А он по ней скучал. Смотрел на темные лужи на полу. На капли, забрызгавшие стены. На ручные кандалы. Инструменты, аккуратно разложенные на столике из нержавеющей стали на колесиках. Более чистые участки пола там, где раньше стояли чемоданы. Он снова оживил в памяти самые волнующие минуты. И улыбнулся. Обычно Сперанский не знал, когда снова представится такая возможность. И кто будет новым объектом. Но на этот раз знал и то и другое.

Это будет очень скоро.

Это будет предатель. Как только он станет для них бесполезен.

Как только Сперанский поднялся на поверхность земли, прозвенел первый звонок. На одноразовый. Разговор был совсем короткий. С человеком, который был не так далеко. С докладом. Сначала факты. Потом соображения. Лаконично и все по делу. Так, как Сперанский любит. А когда через несколько секунд позвонили по защищенной связи, Сперанский уже знал, что ему скажут.

– Резерфорд ускользнул.

– Ладно, – ответил Сперанский. – Значит, попробуем еще раз.

– Может быть, не придется. В Центре обеспокоены. Неудачная попытка не прошла в городе незамеченной. Резерфорду кто-то помог. Кто именно, мы еще не знаем, какие за ним стоят силы – тоже. Новая попытка могла бы привлечь еще большее внимание. Это было бы контрпродуктивно.

– И что предлагает Центр? Сидеть сложа руки?

– Окончательного решения пока нет. Пока остается наблюдать и ждать. Следить, не проявит ли себя как-нибудь объект. И тогда решить, насколько он представляет опасность.

Сперанский оторвал телефон от уха и подавил страшное желание разбить его на тысячу кусочков. Вот она, худшая сторона работы на местах. Когда приходится иметь дело с бесхребетными кретинами, которые целыми днями просиживают за письменными столами штаны. Которые никогда не рисковали собственной шкурой, но обожают ставить на кон жизни живых людей, работающих на переднем крае борьбы. Они слишком пугливы и боятся всего, даже вос-

пользоваться единственной в жизни возможностью повернуть ситуацию в свою пользу, когда им все уже поднесли на блюдечке с голубой каемочкой.

Он снова прижал телефон к уху:

– Вам надо еще раз поговорить с ними. И чем скорее, тем лучше. Надо убедить их в том, что наблюдать и ждать – это не вариант. Может быть, этот продукт никогда не всплывет. Это правда. А если и всплывет, может оказаться, что он не представляет никакой опасности. Это тоже правда. Но ни то ни другое не имеет значения. Если ФБР не найдет его здесь, что они станут делать? Отступятся? Нет. Будут продолжать охоту. Там, где источник. Пока не добьются успеха. А это может случиться до того, как миссия будет завершена. И тогда – катастрофа. Впрочем, даже если после того, это будет конец... агента, о котором идет речь. А уж этого я ни за что не допущу.

– Понимаю. И согласен с вами. Но Центр опасается разоблачения. И это привлечет к себе внимание. Раскроет наши карты.

– Передайте им, что здесь никакой опасности нет. Вмешательство было единичным. Простая случайность. Какой-то бродяга, бывший военный полицейский, раскусил ситуацию и вязался. Больше этого не повторится. Ему уже велели покинуть город.

– Откуда вы знаете?

– Я работаю в этом городе больше пятидесяти лет. У меня есть свои осведомители.

– Надежные?

– Информация получена непосредственно из полицейского участка.

– Ладно. Это хорошо. А если бродяга останется?

– Тогда я приму свои меры.

– Как с журналисткой?

– Именно.

– Хорошо. Я с ними поговорю. Постараюсь убедить их хотя бы снова начать слежку.

– Этого недостаточно. Резерфорда надо брать, причем как можно быстрее. Они там не понимают, какие усилия требуются для того, чтоб поднять массовую истерию. Я использовал все. Местную прессу. Слухи. Целую армию ботов в социальных сетях. Пока все работает, но долго так не продержится. Мыльный пузырь рано или поздно лопнет. Случись что-нибудь еще, и внимание людей сместится. Резерфорд должен исчезнуть, пока все в этом городе его ненавидят.

Резерфорд повел его в свой излюбленный ресторанчик. Он располагался в трех кварталах от кофейни, на центральной улице, на первом этаже офисного здания. Внешний вид дома на Ричера не произвел впечатления, зато он должен был признать, что над интерьером ресторанчика дизайнер поработал на славу. Цветовая гамма его в чистом виде отражала атмосферу пятидесятых годов: много желтого, и в каждой кабинке, которые были расположены по обе стороны помещения, имелся свой проигрыватель музыкальных дисков. На задней стенке висел старинный таксофон, а в центре имелся ряд покрытых огнеупорным пластиком столиков. На боковых стенках были развешаны огромные картины с изображениями автомобилей. Все с открывающимся верхом. «Кадиллаки» и «шевроле». Бирюзового цвета и розового. Мчащиеся на фоне красивых ландшафтов или стоящие у подножия покрытых снежными шапками гор, на берегах озер с искрящейся водной поверхностью; в автомобилях сидели, или стояли с ними рядом, или же располагались неподалеку семейные пары с детишками и со всеми атрибутами хорошего пикника, включая мячи, и у всех были счастливые лица.

Других посетителей здесь сейчас не было, поэтому они без проблем выбрали себе кабинку посередине у правой стенки. Как раз под бирюзовым «шевроле», откуда Ричер мог наблюдать за входной дверью и дверью на кухню. Почти сразу возле них возникла официантка. Еще подходя, она улыбнулась Ричеру, но когда увидела, кто его спутник, выражение лица резко

изменилось. Ричер заказал два чизбургера и кофе. Резерфорд только один. Пока не принесли напитки, оба молчали.

– Вы заметили, как она на меня смотрела? – спросил Резерфорд, отодвигая свою чашку.

– Со мной тоже порой бывает в некоторых кругах, что я вдруг теряю их расположение.

Но чтобы весь город на тебя ополчился... Это настоящий успех. И как вы этого добились? Что натворили такого?

– Ничего.

– Ладно, – сказал Ричер и отхлебнул кофе. – Тогда чего вы не натворили?

– Думаю, самый большой мой грех заключается в том, что я не ударил палец о палец, чтобы взять на себя вину за тот хаос, в котором оказался наш город.

Ричер сразу представил себе неработающие светофоры и компьютеры в полицейском участке.

– А вы кто, городской казначей? Или какой-нибудь... главный городской экономист?

– Нет, – сказал Резерфорд и откинулся на спинку стула. – С чего вы взяли?

– В городе ничего не работает. Обычно так бывает потому, что никто не платит по счетам.

В первый раз с тех пор, как он познакомился с Ричером, Резерфорд улыбнулся.

– Если бы только в этом была проблема. Исправить было бы просто. Ситуация у нас гораздо хуже. Впрочем, это тоже связано с деньгами. Город подвергся атаке с целью получения выкупа.

– Понятия не имею, что это такое.

– Пояснить? Существует такая вредоносная программа, которая блокирует региональную компьютерную сеть. И сами компьютеры, и данные, которыми они пользуются. И всю отчетную документацию, и информацию из самых разных служб. И все телефоны, и ноутбуки, и планшеты, если они к этой сети подсоединены.

– Ну хорошо. А как их можно разблокировать, чтоб снова заработали?

– Нужно выкупить ключ.

– У кого выкупить?

– У того, кто это сделал.

– Серьезно?

– Вполне. Таким атакам подвергаются все больше и больше маленьких городов. Иногда по несколько сразу, если у них общие сети.

– А ваш город с какими общий?

– Ни с какими. Мы сами по себе.

– Значит, атака на вас была спланирована? Почему?

– Да особой причины и не было. Просто потому, что с нами это было сделать легко. Для хакера наша инфраструктура – голубая мечта. Сборная солянка из древних, устаревших комплексов. Куда ни ткни – можно брать голыми руками. Никакой приличной защиты. Но вы должны понять, что это явление ширится. Атаки предпринимаются уже и на большие города. На больницы. На полицейские департаменты. И даже на корпорации. Но все стараются это не афишировать и выплачивают выкуп хакерам скрытно.

– Корпорации платят?

– Бывает. Но в большинстве ли случаев... Я этого не знаю.

– Но разве такие выплаты не поощряют хакеров к новым атакам?

– Пожалуй. – Резерфорд пожал плечами. – Но у жертв нет другого выхода.

– Ваш город платить не собирается, я правильно понимаю?

Резерфорд ничего не ответил.

– Мне кажется, вещи подобного рода надо подавлять в корне, – сказал Ричер. – Зачем вы их поощряете? Сделайте вид, что готовы платить. Предложите обмен: деньги на ключ. Но придурки, которые вас атаковали, не должны уйти с деньгами. Они вообще не должны отсюда

уйти. Убедитесь, что ключ работает. А потом отыщите их штаб-квартиру и сожгите ее к чертовой матери. Вычислите каждого из участников и сожгите их дома. Чтобы поняли: сунутся еще раз – будет хуже.

– Хотел бы я, чтобы все так получилось, – сказал Резерфорд. – Но так ничего не выйдет.

– Почему?

– Речь идет не о набитых банкнотами чемоданах. Наличные здесь не используются. Эти люди всегда требуют виртуальную валюту. Обычно биткоины. И ключа, как вы себе его представляете, не существует. Это просто компьютерный код. И присылается он с адреса, который так зашифрован, что вычислить его невозможно. Иногда из Штатов. Но чаще из России, или Ирана, или откуда-нибудь еще в этом роде.

– А код можно взломать?

– Теоретически – да. Можно нанять специалиста, существуют специализированные компании. У меня даже есть знакомая, которая организовала такую компанию. Она – бывший агент ФБР. Специалист по компьютерным преступлениям. Но все это стоит больших денег. А на успех нет никакой гарантии. Но даже если получится, это займет много времени. Сколько можно себе позволить, если не работают важнейшие объекты жизнеобеспечения населения? Да и у вымогателей есть свой временной лимит. Не заплатишь через столько-то дней или, там, недель – все твои данные будут навсегда стерты.

С кофейником в руке явилась официантка и добавила в кружку Ричера свежего кофе. На этот раз уже другая. Моложе, немного повыше ростом и гораздо приветливей. На Резерфорда не зыркала сердито, даже улыбнулась ему, потом повернулась к Ричеру и наклонила головку в сторону:

– Мы раньше с вами, случайно, не встречались?

– Вряд ли. Я только сегодня прибыл в ваш город.

– Ну конечно! Я вас узнала. Я видела, как вы выходили из машины на той стороне улицы. Из «импалы», верно? Серебристого цвета. А за рулем сидел симпатичный такой мужчина. Наверно, какой-нибудь банкир. А я-то думаю, почему мне ваше лицо знакомо?

– Страховой агент.

– Вот видите? Я не очень ошиблась. Страховой агент... интересная работа?

– А почему вы меня спрашиваете?

– А он разве не ваш начальник?

– У меня нет начальников.

– Значит, вы человек свободный?

– В каком-то смысле.

– Наверно, хорошо быть свободным. Ну ладно, скоро принесу вам бургеры. Кликните меня, если что понадобится.

Резерфорд дождался, когда официантка скрылась на кухне.

– Ну так вот, – продолжил он. – Что касается атаки. Если не заплатишь за ключ, у тебя два варианта. Начинать все сначала, с нуля. А это требует очень много времени и еще больше денег.

Резерфорд нерешительно помолчал.

– Или стереть из своих компьютеров все, что там есть, и загрузить чистые резервные копии.

– Второй вариант звучит неплохо. А почему городские власти им не воспользовались?

– Для этого требуются две вещи. Дублирующий элемент с чистыми копиями всех данных. И толковый менеджер, специалист по информационным технологиям, который может их установить.

– А в городе что, нет такого менеджера?

– Теперь больше нет. Менеджером был я. А меня уволили.

– За то, что вы не сделали чистой копии?

– Типа того. Только тут все несколько сложнее. Сколько раз я талдычил своим начальникам, что нам нужна система защиты против таких атак, а также, на всякий случай, диски с резервными копиями. Наш город для хакеров – легкая добыча. Но установка всего этого требовала больших денег. И они отказались. Мне надо было уехать отсюда. Давно. Но я люблю этот город. Любил и люблю, несмотря ни на что.

– Значит, проблему с системой защиты и резервными копиями вы пустили на самотек, а когда все случилось, вам дали под зад?

– Нет, – сказал Резерфорд и на секунду закрыл глаза. – Я поступил еще более глупо.

Прошло двадцать пять минут, а телефон Наташи все не звонил.

Мотель представлял собой простенькое строение, длинное и низенькое, обшитое темным деревом. Он был разделен на девятнадцать секций. В восточном крыле располагалась администрация, а также специально отгороженная часть для хранения льда и некрепких напитков. Остальная территория была разделена на восемнадцать номеров для постояльцев, каждый со своей дверью и окошком, от номера первого, расположенного возле офиса администрации, и далее, до конца. Наташина группа снимала комнаты от пятнадцатой до восемнадцатой. Пятнадцатую оставили пустой в качестве буфера, на тот случай, если за тонкой стенкой появятся постояльцы. Василий с Анатолием, которые ездили на внедорожнике, занимали шестнадцатый номер. Илья с Петей – семнадцатый. А Наташа с Соней – восемнадцатый. Вернувшись на сменных машинах, женщины перенесли все еще лежащего без сознания Илью в свою комнату и уложили на кушетку. Поддерживая раненую руку, за ними вошел и Петя. А через минуту присоединились и двое других.

Теперь надо было ждать.

Прошло полчаса. Телефон Наташи молчал.

Она уже три раза проверяла, хорошо ли принимает сигнал. И все три раза убеждалась, что связь в порядке. Есть какая-то поговорка, подходящая к этой ситуации, подумала она. Кто над чайником стоит, у того он не кипит. Что-то в этом роде. Может, есть и что-нибудь поновее. Наташа отбросила эту мысль и постаралась сосредоточить внимание на практических вопросах. Например, что делать с Петиним плечом. Поначалу он не давал ей осмотреть его, но в конце концов уступил. Оказалось, вывих, и она вправила его. Потом проверила состояние Ильи: дыхание и пульс постепенно нормализовались.

Прошло тридцать пять минут. Телефон не звонил.

– Что будем делать? – спросил Василий.

– Ничего, – отозвалась Наташа. – Ждать.

– И долго?

– Сколько надо.

– А сколько надо? Наверно, что-то случилось.

– Ничего не случилось.

– Откуда ты знаешь? Как еще это понимать?

Василий понизил голос:

– Мы лопухнулись. А всем известно, что бывает, если ты лопухнулся. Понятно, теперь пойдут слухи.

– Сейчас же прекрати эти разговоры. Нечего слушать всякие сплетни.

– Тогда почему там так долго решают, что мы должны делать?

– А если уже решили? – сказала Соня, подняв от стола голову. – Решили, а нам не говорят?

– А почему не говорят? – спросил Василий. – Как исполнять приказ, если его не отдают?

– А если отдадут, только уже не нам? – сказала Соня. – Что, если подключили другую группу? Не желают больше нерешенных проблем?

– Прекратите, – сказала Наташа. – И не сходите с ума как параноики.

– Какие параноики? – возразила Соня. – Подумай сама. Они знают, где мы находимся. Знают, что вся группа здесь в сборе. И достать нас для них раз плюнуть.

Лежащий на кушетке Илья что-то проворчал и открыл глаза.

Василий подошел к окну.

– Все спокойно, – сказал он. – Пока что.

Прошло сорок минут. И телефон Наташи наконец-то зазвонил.

Ричер вонзил зубы в свой первый бургер.

– Глупо? – переспросил он. – Интересно как же?

– Попробовал все наладить самостоятельно, – покачал головой Резерфорд. – Колдовал над системой, чтобы определить и нейтрализовать кибератаку. Я называл ее сторожевым псом. Помните, я рассказывал про одну свою знакомую? Агента ФБР. Она мне помогала. Хотела назвать систему «Цербер». Если бы все получилось, мы открыли бы свое дело. И пустили бы на поток. Заработали бы состояние.

– Что-то мне подсказывает, что ваша система не сработала.

– Ну да. И дублирующая тоже, для резервного копирования. Но все равно всю вину свалили на меня. А это несправедливо. Ни один из этих придурков, которые сидят на моем горбу, понятия не имеет, с какими проблемами я столкнулся. Многие из этих атак финансируются из федерального бюджета. У них гигантские складские помещения, там работает множество людей. Они только этим и занимаются. У них неисчерпаемые ресурсы. А теперь возьмите меня, я работаю один, пытаюсь сварганить свою систему из списанных частей, деталей, которые ищу, где только можно.

– Да вы просто Давид, вышедший на Голиафа. Только в вашем случае победил Голиаф.

– Точно. Если подумать, иного результата ждать было бы глупо.

– Ну что тут теперь говорить. Вы остались без работы. Все вас ненавидят. Городок, конечно, неплохой, но перед вами открыт целый мир. Почему бы вам не съездить куда-нибудь, развеяться на какое-то время?

– Может, я так и сделаю. В конце концов. Но сначала мне нужно восстановить свое доброе имя.

– Интересно как?

– В моем старом ноутбуке есть документы, доказывающие, что я ни в чем не виноват. Я нанял адвоката, и она подала на городские власти в суд. Я могу доказать, что много раз предостерегал своего босса и что он игнорировал меня. Есть еще кое-что. Этот подонок пустил слух, что именно я заразил компьютерную сеть. Он говорил, что во время путешествия я не поставил себе новую версию антивирусной программы и открыл зараженное вирусом письмо. Вы можете в это поверить? – спросил Расти, округлив глаза. – Ведь именно я настоял на том, чтобы обновление защитных программ стало делом обязательным. Держу пари, что вирус проник как раз через его компьютер. Я докажу это, как только верну свой старый ноутбук.

– Расти, я восхищаюсь вашим мужеством, но позвольте спросить: вы уверены в том, что это для вас наилучший путь? Победа будет сомнительна, если вы не сможете воспользоваться ее плодами, когда какие-нибудь отморозки снова вас затолкают на заднее сиденье автомобиля.

– Мой следователь ясно дал мне понять, что не считает эту попытку похищения серьезной. Подумайте сами, с чего бы это? Какой смысл? Я человек небогатый. Знаменитых родственников у меня нет. Я не являюсь носителем каких-нибудь секретов. Я не спал ни с чьей женой.

– Но кто-то же послал тех людей схватить вас. И вряд ли этот человек хотел пригласить вас на чашку чаю.

– Я тоже об этом думал. Все они были мне не знакомы. Значит, и я для них чужой человек. Может, просто меня с кем-то спутали.

– Чтобы не спутать, существует кое-что новенькое. Фотография называется. Говорят, теперь фотографировать можно даже мобильником.

– Согласен. Но нанимать банду отморозков, чтобы куда-то отвезти и надрать мне задницу? Зачем? Столько возни. Да и расходов, наверно, тоже. И даже если все до единого в этом городе считают, что в кибератаке виноват я, кому реально от этого стало плохо? Это все истерия, больше ничего. Газеты, социальные сети, люди, которые болтают какую-то чушь. Мол, скоро закроют городские школы. А в парке больше не будет качелей. И половину полицейских машин отдадут на слом. Цены на газ подскочат вдвое. А цены на жилье рухнут. Это все чушь собачья. Ну да, кое-где удлиннили рабочий день. И вынуждены пользоваться только своими телефонами. Но у кого в наши дни нет безлимитных тарифов? Открытие исторического архива онлайн откладывается, и город слегка потеряет лицо, но мы не одни такие. В последнее время во многих городах, как наш, бывают перебои. Это не значит, что сразу надо совершать преступление. Главное, чтобы снова заработали системы и к концу месяца выдали зарплату, а так, это все пустяки. Несмотря на шумиху.

– Компьютеры давно не работают?

– Две недели.

– До конца месяца осталась неделя. Резервных копий у города нет. Вы говорили, чтобы начать с нуля, нужно время, и что у вас нет грамотного айтишника. Мне кажется, это уже не пустяки.

– Но нам и не нужно начинать с нуля. Мы заплатим. Разве я вам не говорил? Дело почти уже в шляпе.

– Если кто-то заплатит, значит у других в банковском счете останется большая дыра. И им это очень не понравится.

Резерфорд помотал головой:

– Платит страховая компания. У них есть человек, который сейчас ведет переговоры и старается снизить сумму выкупа. Может быть, как раз тот самый, в чьей машине вы сюда приехали. Если даже мы не сможем заставить их пойти на компромисс и придется выплачивать полную сумму, я не вижу крупной корпорации, которая захотела бы устроить на меня охоту.

Пришла приветливая официантка и собрала тарелки.

Ричер отхлебнул кофе.

– Вы говорили, что разрабатывали какую-то новую систему. Чтобы предупредить атаку и нейтрализовать ее. Я так понял, что она была взломана. Но может быть, все-таки как-то можно ее использовать? Представьте себе человека в бронезилете. По идее, он непробиваемый, но вот появляется новый, более мощный боеприпас, и человек схлопотал пулю. Ему кранты, зато экспертам это дает много новой информации. Калибр пули, которая пробил защиту. Была ли пуля с оболочкой или нет? Из какого материала сделана? И так далее. А потом можно делать выводы.

– Я тоже так размышлял. На это и надеялся. Проверял. Множество раз. Но все без толку. Послал копию этой своей знакомой, бывшей фэбээрше. Она тоже над этим работает. У нее больше возможностей, но дело, кажется, безнадежное.

Ричер положил на столик деньги и вышел из кабинки. Приветливая официантка сунула мобильник в карман передника и подошла к нему. И попросила разрешения поговорить с Резерфордом. Она хотела, чтобы он ей кое в чем помог. «Что-то там с компьютером не так», – сказала девушка. Но ее мимика, жесты и телодвижения наводили на мысль, что тут кроется нечто другое. Ричер улыбнулся. Он знал, что в критических ситуациях разные люди ведут себя

по-разному. Одни сразу начинают возникшую проблему решать. А другие – доказывать, что они в ней не виноваты. Ричеру больше нравились первые. Резерфорд, похоже, тоже был из первых. Приятно иметь дело с человеком, который не пытается свалить на него свои неприятности.

Ричер вышел на воздух. Подошел к краю окна, оставив Резерфорда одного. Из тени вышел какой-то человек. Ростом футов шести, не больше. На бледном, небритом лице глубоко поставленные глазки. В стоптанных рабочих ботинках, оторванная кожа обнажала сталь носковой части. Грязные джинсы. Под курткой оливкового цвета плотно облегающая футболка. «Все куплено на распродаже в армейском магазине», – подумал Ричер. Судя по оттенку защитного цвета, итальянском.

Мужик сунул руку в карман куртки и направил Ричеру в грудь что-то твердое и цилиндрической формы.

– Пошел, – сказал он. – В переулок.

Глава 5

Когда снова зазвонил мобильник с защищенной линией, Сперанский уже был в гостинной и читал газету.

– Хорошая новость, – сказал голос в трубке. – Центр согласился. Группу отправили обратно. И они сразу же восстановили контакт.

– Превосходно. Где?

– Входят в ресторан. Напротив дома, где живет Резерфорд.

– Могут взять его прямо там? Какой план?

– Нет, только не внутри. Будут ждать. Возьмут их на выходе.

– Их?

– Да. Резерфорда и этого бродягу.

Сперанский секунду подумал. Неужели осведомитель в полицейском участке соврал? Или не смог грамотно провести допрос?

– Они нарисовались вдвоем, – сказала трубка. – Похоже, шли от здания суда. Судя по докладу, только что познакомились. Вероятно, их отпустили одновременно, они встретились и разговорились.

«Звучит как предположение», – подумал Сперанский. А предположений он не любил. Пожалуй, пришло время проверить надежность источника. Или его компетентность. Или и то и другое. Да-да. Надо будет обязательно этим заняться. В свое время. Сначала разобраться в текущей ситуации. Если не получится, все остальное не имеет значения.

– Значит, брать их будут на улице? – спросил Сперанский.

– В переулке. Мне сообщили, это совсем рядом с ресторанчиком. Думаю, вы знаете, где это. Их туда заманят. Перекроют въезд, чтобы не было лишних свидетелей. И шарахнут электрошокерами.

Сперанский, конечно, знал этот переулочек. Он живо представил себе, как все будет происходить: «Да, местечко подходящее». План прост, но иногда бывает, чем проще, тем лучше. А если захватят еще и бродягу, так это просто удача. Ведь трогать Резерфорда ему никак нельзя. Он не мог позволить себе оставлять никаких отметин. Ничего такого, что могло бы вызвать подозрение при вскрытии. Придется надеяться, что он испугается. Но вот с этим бродягой можно делать все, что душе угодно. А уж это, в свою очередь, поможет развязать язык Резерфорда.

Было бы здорово.

Надо будет позвать домоправительницу. Пусть подготовит генераторную. Хотя бы помоеет инструменты. Стены и пол можно оставить так, это подождет.

Ричер глянул на стоящего перед ним дядьку в дутой куртке и промолчал.

– В переулочек, – повторил тот и свободной рукой показал направление. – Двигай. Вон туда. Спиной вперед. Быстро. Скажу, когда повернуться.

– Куда спешить? – сказал Ричер. – Принимать решение надо обдуманно. И информации маловато. Давай-ка начнем с того, что ты объяснишь, зачем мне надо двигать в переулочек.

– Затем, что я тебе так сказал.

Ричер покачал головой:

– Видите ли, этот довод не вполне убедителен. Я бы сказал, даже наоборот. Секунду назад, перед тем как вы открыли рот, была такая возможность, что я там окажусь. Чисто по какой-нибудь случайности. Но с малой степенью вероятности. Вот если бы случайно мимо проходила какая-нибудь крутая математичка, она бы смогла подсчитать вероятность, хотя и вряд

ли такое могло бы случиться. Хотя, с другой стороны, даже если создать качественно новую отрасль математики, вряд ли можно даже представить себе столь малую величину.

Мужчина переступил с ноги на ногу:

– Ладно. Ты лучше прикинь вот что. Если не пойдешь, куда я сказал, – пристрелю.

– Опять же неубедительно. Раз вы хотите, чтобы я оказался в переулке, у вас должна быть веская причина, не предполагающая пальбу по мне на улице, иначе вы уже давно бы это сделали. Но самое главное, чтобы по мне пальнуть, нужно как минимум иметь пистолет.

– У меня есть пистолет, – сказал мужчина и пошевелил рукой в кармане куртки. – Он смотрит прямо на тебя.

– Так это пистолет у вас в кармане? Ух ты. Хорошо. Я и не знал. Какой системы?

Мужчина раскрыл рот, но не проговорил ни слова.

– Просто пистолет или револьвер?

Молчание в ответ.

– А какого калибра? Тридцать восьмого или сорок пятого?

Ноль эмоций.

– Ну-ка, достаньте. Покажите его. Может, чему-нибудь научитесь.

Тот не пошевелился.

– Да нет у вас никакого пистолета. Но это нормально. Можете смело признаться. Но вы понимаете, что игра кончена? Ведь ваша реальная проблема заключается вот в чем. Вы уже догадались, что заставить меня сделать что-то в одиночку невозможно. Поэтому и сделали вид, что у вас там пушка. Но у вас ее нет. Так вот, послушайте, к какому решению я пришел. Я отклоняю ваше приглашение. И предоставляю вам выбор. Вы скажете, кто вас послал и зачем они хотят, чтобы я вышел в переулок, а я позволю вам спокойно уйти. А иначе... У вас есть мобильник?

Мужчина ничего не ответил.

– Если есть и вы решили не отвечать на мои вопросы, советую достать его. И набрать девять-один-один. Прямо сейчас. Потому что я брошу вас в это окно. Вы же не хотите подвергнуться риску истечь там на полу кровью.

– Набирать девять-один-один никто не будет, – раздался за спиной Ричера мужской голос. – А если кто и полетит в это окно, так это будешь ты.

Ричер повернулся и увидел еще двоих, с самодовольным видом выходящих из переулка. И оба тоже где-то футов шести ростом. Оба лысые и с окладистыми бородами. В грязных рабочих комбинезонах, кряжистые, с толстыми, обезьяноподобными ручищами, которые они выставили перед собой. Ричер представил себе, как в какой-нибудь мастерской по ремонту грузовиков они с утра до вечера таскают гигантские автомобильные покрышки.

– Теперь вы понимаете, почему мне не нравятся переулки, – сказал Ричер. – Потому что там всегда много крыс. Там, небось, еще найдутся? Если да, то пусть лучше вылезают все сразу. Я не знаю, что там у вас на уме, но, что бы там ни было, два набитых салом мешка ничего мне не сделают.

– Нас, вообще-то, трое, – сказал первый мужик, вытащил руку из кармана и сложил пальцы в кулак.

Ричер мгновенно схватил его за ухо, крутанул и запустил вперед, и тот, отскочив от толстых животов второго и третьего, рухнул к их ногам.

– Вы все, конечно, разной весовой категории, но все равно оставайтесь там, чтобы я вас видел.

Ричер подождал, пока злодеи помогут товарищу встать. Те привели его в вертикальное положение и плотно зажали между собой. Что это? Подсознательное желание защитить более слабого? Или просто глупость? Ричер не знал. Но какой бы ни была причина, диспозиция у них ни к черту. В такой ситуации следовало бы рассредоточиться. Встать треугольником. Тогда

мощь их многократно увеличится. Более крупные должны стоять на внешних углах. И наступать должны дружно. Атаковать одновременно. А потом, даже если Ричер с успехом обоих блокирует, он же какое-то время будет этим заниматься. При этом более худенький останется свободен. И будет стоять по центру. Тут у него возникнет шанс отличиться.

– Я полагаю, вы хотели передать мне какое-то сообщение, – сказал Ричер. – Хотите доложить содержание?

Двое толстых обменялись быстрыми взглядами, потом тот, кто появился первым, сделал шаг вперед.

– Нам прекрасно известно, чем ты занимаешься. Ты это прекрати. Шагай домой. И прихвати с собой своего босса.

– А кто, интересно, мой босс?

– Тот, с кем ты сюда пришел.

– Хорошо. Только теперь у нас возникла реальная проблема. А знаете почему? Если вы думаете, что этот парень мой босс, то должны считать, что я здесь нахожусь для того, чтобы работать. А если я работаю, то мне за это платят. Если перестану работать и уйду, мне не заплатят. И я останусь внакладе. То есть, выходит, вы пытаетесь выудить денежки из моего кармана. А знаете, что бывает с теми, кто так себя ведет?

Мужчина бросил быстрый взгляд на своего подельника, но ничего не сказал.

– Если касаться подробностей, то бывает по-разному, но конец всегда один и тот же. Долгое лечение в больнице. Хотя сегодня вам повезло. Я дам вам шанс избежать обычного наказания. Скажите, кто вас послал, и будем считать, что мы квиты.

– Этого нам делать нельзя.

– Вы что, нарочно пытаетесь меня рассердить? Я очень не люблю, когда со мной так разговаривают. То есть вы хотите сказать, что ничего мне не сообщите. Как это нельзя? Можно! Более того, нужно! И вы все расскажете! Просто нужно набраться мужества.

Ричер схватил худенького и толкнул его вперед. Их диспозиция сразу изменилась. И возможности значительно сузились.

– Попробуем еще раз. Скажите, кто вас послал.

Никто не ответил.

Ричер крутанул руку худенького, развернул внутренней поверхностью вверх и схватил его за запястье.

– Вы знаете, когда говорят, что ребенок сломал руку, кость у него частенько разделяется не до конца. Получается лишь надлом, типа «зеленая ветка», как говорят медики. Кость просто согнута. Это потому что у молодых кости мягкие. Но с возрастом кости становятся более хрупкими. И больше не гнутся. Они ломаются. Этот ваш дружок уже не ребенок. Хотя и не старый. Интересно, долго ли выдержат его кости, перед тем как начнут трескаться?

Ричер стал сгибать его руку. Мужик отчаянно завопил. «Пока не столько от боли, сколько от страха перед болью», – подумал Ричер, судя по тому, какую он прикладывает силу, одновременно не спуская глаз с толстяков. Время у них уже истекало. Им бы сейчас сделать вот что: худенькому броситься на землю, а толстякам одновременно на Ричера, прижать его к стене и нейтрализовать руки. А если повезет, и ноги тоже.

Но они не двинулись с места.

Ричер еще больше согнул руку худенького. Тот поднялся на цыпочки и заорал громче. Теперь броситься на землю он уже не способен, но даже так этим двоим стоило бы атаковать. Кончилось бы тем, что они сплелись бы в клубок; напарнику пришлось бы очень несладко, его слегка помяли бы, но все равно лучшего варианта им не придумать.

Но они не пошевелились.

Ричер еще поднажал на руку худенького. Тот опять закричал, еще сильнее. И на цыпочки поднялся еще выше. Мужик справа двинулся вперед. Медленно. И один. Правой рукой Ричер

схватил худенького за шею и стал поворачивать ему голову так, чтобы тот следил за движениями толстяка. Подождал, пока между головами обоих стало не больше нескольких дюймов. Подровнял голову худенького, чтобы виски обоих смотрели друг на друга. Словно кий в бильярдный шар, вогнал левый кулак в череп худенького с другой стороны, тот, в свою очередь, с силой врезался в череп толстого. Ричер отпустил худенького, и парочка беспорядочной кучей рук и ног рухнула на землю. Ричер отпрянул назад, одновременно подняв локоть на тот случай, если другой толстяк последует примеру первого. Но тот не рыпался. Стоял как столб, разинув пасть, и толстые горилловы руки его без толку свисали перед ним.

– Ну что, остались мы с вами с глаз на глаз, – сказал Ричер. – О чем будем разговаривать?

Тот ничего не ответил.

– Ладно, скажу я. Ответите на мой вопрос, кто вас послал, и можете увозить своих приятелей в больницу. Иначе вас увезут туда вместе с ними. Выбирайте.

Тот сделал шаг назад, будто отступая, но ногу поставил уж как-то больно обдуманно. Постоял немного и вдруг, расставив в стороны руки, ринулся вперед, словно хотел задушить Ричера в медвежьих объятиях. Движение вполне разумное, только надо было его хорошенько замаскировать. Ребрами ладоней Ричер нанес противнику рубящий удар с двух сторон шеи, потом схватил за грудки, развернул и шмякнул о стенку. Глаза того остекленели, и дух из него вышел вон. Ричер добавил еще в солнечное сплетение, но не сильно. Ему не нужно было вырубать его полностью, только усмирить. Во всяком случае, пока он не назовет имя. Тот сложился пополам, коленки его подкосились, и он смиренно уселся на землю у ног Ричера. Но добиться от него слова Ричер не успел: послышался вой сирены. И через несколько секунд на улице замигали красные и синие огоньки.

– Не двигаться! Держать руки так, чтобы я их видел!

Голос был искажен мегафоном, но Ричер все равно узнал его.

– Ага, на этот раз ты у меня ляжешь мордой в тротуар!

Глава 6

В ту самую минуту, когда Ричера вели в здание суда, Сперанский спускался в генераторную. Отчасти для того, чтобы проконтролировать, как там идут дела. И еще потому, что был возбужден и с нетерпением ждал горячей ночной работы. Может быть, даже не одну ночь, если бродяга окажется таким же живучим, как и журналистка. Пока он пребывал под землей, до него пытались дозвониться двое. Те же самые, что и раньше. Один на одноразовую трубку. Другой на трубку с защищенной линией. Только на этот раз, когда он поднялся из подвала, первым зазвонил защищенный мобильник.

– Ну что, дело сделано? – спросил Сперанский.

– Никак нет, – ответила трубка. – Группе пришлось свернуть операцию.

Сперанский подавил желание швырнуть мобильник в стену.

– Почему? В чем облажались на этот раз?

– Ни в чем не облажались. Решение было принято верное. Бродяга вышел из ресторана первым, Резерфорд задержался. Сделал вид, что собирается остаться, и группа заняла позицию и стала ждать, чтобы или взять Резерфорда, или убрать бродягу. Потом все пошло непредсказуемо. Бродяга затеял драку. Ни с того ни с сего, прямо на тротуаре. Никто этого не мог предвидеть.

– Ну хорошо. И с кем он подрался?

– С тремя. Два здоровенных шкафа и один тощий. Скорей всего, местные. Раньше никто их не видел.

– И как он, пострадал сильно? В больницу отправили?

– Нет. Нисколько. Расправился со всеми тремя. Легко. Раскидал, не сходя с места. Но как только драка закончилась, явилась полиция. И его арестовали.

– А Резерфорд? Он не пострадал?

– Нет. Он не участвовал. Бог миловал. Он сидел в ресторане до последнего, а потом, наверно, незаметно удрал через черный ход в переулок. Видели, как он переходил улицу и вбегал в свой подъезд.

– Видели? А почему ничего не предприняли?

– Там все еще оставалась полиция. Ребятам пришлось дать ему уйти. Другого выхода не было.

– Ну и где сейчас Резерфорд?

– Дома, наверно. Вряд ли он теперь скоро выйдет.

Сперанский секунду подумал.

– Значит, в этом участвовали только бродяга и полицейские? Наши люди не вмешивались?

– Нет.

– Их там никто не видел? Никакого цирка? Ничего такого, чтобы в Центре снова устроили истерику?

– Ничего такого.

– Хорошо. Где сейчас группа?

– Наблюдает за домом Резерфорда.

– Прекрасно. А знаете, это может сработать нам на пользу. По отдельности разделаться с ними будет легче. Мы точно знаем, где они находятся, бродяга никуда не денется как минимум до утра. Ладно. Вот что я предлагаю. Наблюдать за домом Резерфорда оставьте двоих. Остальным отдыхать. Если к шести утра Резерфорд не появится, отправить их в одно местечко. Куда – сообщу в свое время. Там пусть закатаются и ждут. И потом доставить туда к ним бродягу. Я все подготовлю сам. Любыми средствами они должны укротить его и привезти сюда. А потом вся

группа может заняться Резерфордом. Бродяга им уже не мешает, и у них больше не будет никаких проблем.

Следующий звонок поступил на одноразовый. Разговор был короткий. С человеком, который находился неподалеку. Доклад. Сначала факты. Потом соображения. Кратко и сжато. Именно так, как любит Сперанский. Только на этот раз Сперанский дополнил полученную информацию рядом указаний. А это означало, что, когда через несколько минут одноразовый снова зазвонил, Сперанский уже знал, что ему скажет голос в трубке.

– Это Марти. У меня есть для вас интересная информация.

В подвале здания суда было четыре камеры, и все стояли пустые, кроме той, куда посадили Ричера. Он не знал, насколько нормальна такая пропорция. Может быть, в этом городе низкий уровень преступности. А может, просто полиция работает спустя рукава и не ловит мышей, то есть преступников. Или текущая ситуация дала повод не заводить уголовных дел, не заполнять анкет и не принимать написанных от руки заявлений. Но какова бы ни была причина, результатом Ричер был доволен. Он как раз нуждался в таком тихом местечке, где можно выспаться, а этот вариант его устраивал еще и потому, что не нужно было за это платить, – ведь расставаться с деньгами всегда неприятно. Ричер снял пиджак и скатал его: получилась подушка. Лег на металлический топчан. Закрыв глаза, расслабился и пустил на волю голос Хаулина Вулфа. За ним в голове запел Мэджик Слим. Ричер дал им исполнить по паре блюзов каждому. Потом досчитал до трех и сразу уснул.

Проснулся Ричер в семь утра и час лежал с закрытыми глазами, взвешивая свои приоритеты на день грядущий, как вдруг услышал приближающиеся шаги. Быстрые и легкие. Он открыл глаза и увидел перед собой незнакомого полицейского в форме. Причем женщину. Ростом она была примерно пяти футов и восьми дюймов, спортивного вида; глядя на нее, можно было подумать, что по утрам перед завтраком она запросто могла бы пробегать марафон. Густые, темные и блестящие волосы ее были скручены узлом на затылке; на губах играла теплая, доброжелательная улыбка. На груди красовалась пластинка с именем: Рул. Можно представить, как над ней подшучивали в полицейской академии¹.

– Подъем! – скомандовала она и жестом поманила Ричера вон из камеры. – С вами хочет поговорить следователь.

– Гудиэр? – спросил Ричер, даже не шевельнувшись.

– Нет, какой-то новый, – пожала плечами Рул. – Мне не знакомый. Только что прибыл. Наверно, он из другого ведомства.

– Предположим, я с ним встречу, – сказал Ричер, вставая. – А дальше что?

– Это уж как он решит. И инспектор Гудиэр.

– А что известно про идиотов, которые на меня напали?

– Они... самая свежая информация должна быть у нового следователя.

– А зачем они это сделали? Есть идеи?

– Вы сами уже сказали об этом, – улыбнулась Рул. – Идиоты.

– А кто они вообще такие?

– Да просто банда местных отморожков. Тут вам волноваться нечего.

Рул помолчала, приглядываясь к Ричеру:

– Хотя у меня такое чувство, что вы вообще мало о ком волнуетесь.

– Это не совсем так, – возразил Ричер, взял пиджак и вышел из камеры. – Как раз на днях я ввязался в одну острую дискуссию, касающуюся благополучия группы подающих надежды музыкантов.

¹ Английское слово *rule* многозначное: закон, режим, правило, власть и т. д.

– Я не это имела в виду, – сказала Рул, взяла Ричера под локоток и повела по коридору. – И мне кажется, вы меня понимаете.

Новый следователь заставил Ричера ждать ровно полчаса. На минуту больше одного простого числа. И на минуту меньше другого². Ричер очень огорчился.

Этот человек был одет в черный костюм с белой рубашкой и узеньким галстуком бордового цвета. Возрастом постарше Гудиэра. Этот факт сомнений не вызывал. Но вот насколько старше, сказать было трудно. Ричер прикинул, что минимум лет на десять, однако на пухленьком лице следователя почти не было морщин и кожа не обвисала складками. Он был лыс, но голова обрита, и ничто не указывало на то, где у него проходит граница волосяного покрова. Худощав, на вид довольно крепок, спортивного типа, но это не очень бросалось в глаза и казалось естественным.

Когда Ричер вошел, следователь сидел за столом. Он достал из кармана пиджака черный блокнот и жестом пригласил Ричера подойти поближе.

– Меня зовут Уоллуорк. Сейчас еще рано, а я не жаворонок, рано вставать не привык, так что давайте сразу перейдем к делу. Зачем вчера вечером вы напали на тех людей?

– А куда девался другой следователь, Гудиэр?

– Должен быть где-то здесь, – ответил Уоллуорк. – Но это дело передали мне. Итак. Рассказывайте. Про драку возле ресторана. С чего она началась?

– Начали эти кретины, – ответил Ричер, сложив на груди руки. – Они явно за мной охотились. Я дал им шанс уйти. И если они оказались такие дуболомы, что не сумели этим воспользоваться, я тут ни при чем.

– Но почему они на вас напали?

– Вы следователь. Вы и выясняйте.

– А вам не приходит в голову никаких причин?

– Кроме их тупости, что ли?

– Ну хорошо. Значит, так и запишем: спонтанное, неспровоцированное нападение?

– Неспровоцированное, да. Но не спонтанное. Они, похоже, считали, что я работаю с каким-то страховым агентом. И пытались меня запугать.

– Зачем?

– Повторяю еще раз: вы следователь.

– Прекрасно. Не помогайте мне, не надо. Но себе-то помочь вы должны? Послушайте. Я только что был в больнице. Вы здорово отделали этих парней. Они еще долго не смогут работать. Не смогут вообще что-то делать. И им это нравится не очень. Они думают, как отплатить. Говорят, что подадут в суд для возмещения ущерба.

– Пусть подадут. У них ничего не выйдет.

Уоллуорк пожал плечами:

– Может быть. А может, и нет. Но это приведет к судебному разбирательству. Обойти закон тут никак нельзя. А суды в этих местах завалены работой. Пока вы предстанете перед судьей, много воды утечет. И до этого придется держать вас под стражей. И еще... не забывайте про присяжных. Все они будут из местных. Думаете, им понравится, что какой-то чужак-хулиган явился к ним в город и избил земляков? И еще кое-что. Эти парни уже успели сфотографироваться. У профессионала. Наделали массу снимков. Множественные опухоли. Кровоподтеки. Рассечения. Выглядит очень впечатляюще.

– Во-первых, они с самого начала выглядели так себе.

– Я не спорю. Но если в жюри присяжных окажутся женщины, у которых есть дети? И они представляют себе, что ты можешь сделать то же самое с их сыновьями? Ты очень рискуешь.

² Здесь подразумеваются числа 29 и 31.

Ричер ничего не ответил.

– Разумеется, мы могли бы пойти и другим путем... Эти персонажи – далеко не самые высокоорганизованные представители рода человеческого. И я бы мог сделать так, чтоб они передумали. Заставить их прекратить любые разговоры о предъявлении вам обвинения. Но в таком случае я бы хотел получить кое-что взамен.

– Например?

– Возьмем предыдущий инцидент. В котором участвовал Расти Резерфорд. У инспектора Гудиэра осталось чувство, что вы были с ним не вполне откровенны. Давайте поговорим начистоту, и тогда я позабочусь о том, чтобы вы вышли отсюда.

– Поговорим начистоту? Но как? Какие-то типы пытались похитить Резерфорда. Я им помешал. Вот и все, тут и говорить больше не о чем.

– Некоторое время вы шли по тротуару за Резерфордом, верно?

Ричер кивнул.

– Вы, случайно, не заметили, бросал ли он что-нибудь? Скажем, в мусорную урну или в канализацию?

– Нет.

– А после того, как вы вмешались, но перед тем, как прибыла полиция, он не пытался что-то спрятать?

– Нет.

– Что-нибудь совсем маленькое. Ключ, например, или флешку.

– Нет, ничего он не прятал.

– Вы не видели, он отправлял что-нибудь по почте?

– Нет.

– В ресторане вы наверняка разговаривали. Он что-нибудь говорил о хранилище памяти? Или о персональной банковской ячейке?

– Нет.

– Он не упоминал о том, что недавно ездил куда-то?

– Нет. Зато он точно говорил, что через пару дней отправится в свой рыбацкий домик в Новую Шотландию. А когда достал бумажник, чтоб расплатиться за обед, я заметил у него там мексиканский паспорт. И билет на самолет. И пачку валюты в песо.

Уоллуорк закрыл блокнот и положил на стол.

– Вы что, смеетесь надо мной, мистер Ричер?

– С какой это стати? Это вы смеетесь надо мной, инспектор. Или лучше называть вас просто агент?

Уоллуорк ничего не ответил.

– Тут дело немного в вашем костюме, – продолжил Ричер. – В ваших вопросах тоже. Но главным образом – в ваших туфлях.

Уоллуорк невольно опустил глаза на свои ноги.

– Держу пари, они обошлись вам в три раза дороже, чем туфли инспектора Гудиэра. И еще держу пари на тысячу баксов, что он бы с вами меняться не стал. Даже если б они были его размера и новенькие. Посмотрите сами. Подошва не пружинит. Носок плотно облегает пальцы. Кожа тонкая. Ни один коп такие носить не станет.

Уоллуорк сделал медленный, долгий вздох:

– Я знал, что это ошибка. Читал ваш послужной список. И с самого начала хотел быть с вами до конца честным, но начальница была против. Сказала, что лучше схитрить. Я понимаю, что теперь просить, чтобы вы доверяли мне, было бы слишком, но посмотрите на дело под таким, например, углом. Я бы мог просто уйти. От всего отказаться. Сказать, что этого разговора не было. Но я этого не сделаю. Я выложу вам всю правду.

Уоллуорк достал бумажник, вынул ламинированную карточку и поместил ее на столе рядом с блокнотом. В центре ее был сине-белый орел. В одной лапе он держал пучок стрел числом тринадцать. В другой – оливковую ветвь с тринадцатью листиками и тринадцатью ягодами. С левой стороны – щит, на котором символически изображены горы, с правой – водная поверхность. По внешнему кругу читалась надпись: «США, Министерство национальной безопасности». А под этим – «Джефферсон Уоллуорк, оперативный сотрудник, бюро инфраструктурной безопасности».

– Это моя настоящая работа.

– И что же вы хотите знать? – спросил Ричер.

– Все про кибератаку на этот город. Вы о ней слышали?

Ричер кивнул.

– В компьютерную сеть вредоносная программа может проникнуть двумя способами. Через интернет. Или через что-то такое, с чем он физически связан. Через флешку, например. Или дисковод. Что-нибудь в этом роде.

– Резерфорд этого не делал.

– Вам это достоверно известно?

– Вы же читали мой послужной список. Я был следователем. А у всякого следователя на людей вырабатывается чутье. Я разговаривал с Резерфордом. Провел с ним вместе какое-то время. Он этого не делал.

– Может быть, вы правы. Надеюсь, что это так. Но если нет твердых доказательств, вероятность этого остается. Я должен это подтвердить. Или опровергнуть.

– Тогда сами поговорите с Резерфордом. Задайте ему вопрос прямо. Поймайте его на лжи или дайте возможность защитить свое доброе имя.

– Если б я мог.

– Почему не можете?

– А вдруг он в этом участвует? Мы его задерживаем, он сообщает об этом своим подельникам, они прерывают переговоры со страховой компанией. Навсегда блокируют все данные города. И уползают в свою навозную кучу. Поймать их у нас не будет никаких шансов. Или, скажем, его подельники за ним следят и видят, как мы его берем... Результат тот же самый.

– И что вы собираетесь делать?

– Есть еще одна возможность – передача данных онлайн. Мы это тоже отслеживаем. Будем надеяться, все пройдет гладко. А пока я должен просить вас: Резерфорду об этом ни слова. И вообще никому. Иначе последствия могут быть очень серьезные.

– Резерфорд потерял работу. Все жители города его ненавидят. Его чуть было не похитили. Я не собираюсь сваливать на него лишние неприятности.

– Хорошо. Благодарю вас. Перед тем как уйти, хочу сказать, что получил от детектива Гудиэра сообщение. Речь идет об услуге за то, что эти люди откажутся от обращения в суд. Кстати, это была его идея. А я, так сказать, присосался. Он хочет, чтобы вы для него кое-что сделали.

– Что именно?

– Уехали из города. Сегодня утром. Вообще-то, прямо сейчас. У дома вас ждет его машина, она доставит вас прямо к трассе. И еще он хочет, чтобы вы дали слово больше сюда не возвращаться.

– А если я не захочу?

– Да бросьте вы, Ричер. Помогите мне в этом. Ведь вчера вы сами просили его подбросить до трассы.

– То было вчера. С тех пор город успел вызвать во мне большой интерес.

– Он делает вам очень выгодное предложение, Ричер. Вы пробывали в городе менее суток и успели попасть в две серьезные переделки.

Ричер помолчал, взвешивая предложение Гудиэра. А как же Резерфорд? Надо подумать и о его благополучии. А в идеале раскопать, кто стоит за спиной головорезов, подосланных к нему возле ресторана. Было бы несправедливо, если поплатятся одни только пешки. Но с другой стороны, в этом городе нет автобусной станции. И грузового транспорта он тоже здесь не приметил особо, а ведь если дело дойдет до того, чтоб ловить попутку, лучшего варианта не придумаешь. В последнее время люди стали как-то уж очень подозрительны и неохотно сажают незнакомцев. Особенно с такой внешностью, как у него.

– Ладно, – сказал Ричер. – Так и быть, уеду. Сегодня же утром. Но у меня два условия.

– Если вы про деньги, то буду с вами откровенен: их для вас нет.

– Да нет, я не про деньги. Тут кое-что другое. Те идиоты напали на меня потому, что приняли за сотрудника страхового агента. Скорей всего, это тип, который вчера подвез меня сюда. Он остановился здесь в какой-то гостинице. Пижон из Нью-Йорка. Молодой. Где-то за двадцать. Найти его будет несложно. Проследите, чтобы после моего отъезда они к нему не привязались. То есть предупредите, чтобы его не трогали. Как можно доходчивее. Понимаете, о чем я?

Уоллуорк улыбнулся:

– Думаю, да.

– И надо предупредить его тоже, чтобы был начеку. Вдруг тот, кто наслал на меня этих братьев-акробатов, подошлет кого-нибудь и к нему.

– Сделаю, – кивнул Уоллуорк.

– И потом этот Резерфорд. Если вам нужно взять его в разработку, ладно, пусть будет так. Но позаботьтесь и о его безопасности. Он-то уж точно не готов сделать это сам.

Через металлическую дверь Ричер вышел на воздух и спустился вниз по ступенькам. Автомобиль, который приготовил для него Гудиэр, ждал на стоянке возле здания суда. Длинный, изящный, немецкой фирмы, черного цвета с металлическим отливом, на утреннем солнце он сиял так, будто только что сошел с конвейера. Строго говоря, это был обыкновенный седан с четырьмя дверцами и багажником, но Ричеру вдруг показалось, что задняя часть автомобиля как-то слишком просела. Словно машина не стоит ровно на всех своих четырех колесах, какой была перед тем, как покинуть фабрику, а пристроилась на асфальте на корточках.

Водитель сразу заметил появление Ричера. Нажал на кнопку, чтобы открыть багажник, выбрался из кабины и неуклюже двинулся к корме автомобиля. «Лет уже под шестьдесят», – подумал Ричер. Серебристые волосы подстрижены коротко, загорелый, кожа обветренная, как и у всякого, кто много времени проводит на воздухе. Роста не очень высокого – самое большее пять футов десять дюймов, одет в светлые хлопчатобумажные штаны и белую рубашку, плотно обтягивающую плечи и живот. Похоже, когда-то он был в хорошей спортивной форме, да и сейчас прилагает большие усилия для ее поддержания, но не готов признаться в том, что получается у него плохо. Он посмотрел на Ричера и ухмыльнулся, ясно давая понять, что не испытывает большого удовольствия перед перспективой посадить в свой чистенький экипаж грязного, нечесаного бродягу.

– Я – Марти. А ты – Джек Ричер?

Ричер кивнул.

– Можешь закрыть свой багажник, Марти. Вещей у меня нет. Только одежда за спиной.

По лицу Марти было незаметно, что это открытие привело его в восторг. Он покачал головой, ткнул пальцем в кнопку с краю крышки багажника: тот медленно стал закрываться, а Марти величаво обошел машину со стороны пассажирского сиденья. Открыл заднюю дверцу и сделал шаг назад, а Ричер, согнувшись пополам, втиснулся в тесное пространство кабины. Водила снова обошел автомобиль и уселся за баранку. Пристегнул ремень безопасности, завел двигатель, тронулся и выехал со стоянки. Повернул и проехал мимо фасада здания, резко свер-

нул налево, потом направо, проезжая по улицам, застроенным частными домами, которые становились чем дальше, тем крупнее и отстояли один от другого на гораздо большем расстоянии, пока не выехали на прямую, широкую дорогу, по обеим сторонам которой раскинулись поля с темно-зеленой невысокой растительностью. По солнцу Ричер определил, что они едут на юг.

– А куда это мы едем, а, Марти? – спросил Ричер, сдвинувшись на середину заднего сиденья.

– К скоростной трассе, – ответил Марти, глянул на отражение Ричера в зеркальце и быстро перевел взгляд обратно. – Тебе ведь туда надо, верно?

– Я приехал сюда по трассе, – сказал Ричер, перемещаясь дальше. – И она была к северу от города.

– А мы едем к другой трассе.

– К какой другой? И зачем?

– Послушай. Детектив Гудиэр – мой друг. Он попросил меня подбросить человека к трассе. К какой именно, он не сказал. Я выбрал ту, что для меня удобней. Там у меня сегодня есть еще одно дельце. А для тебя какая разница, север или юг? Ишь ты, нищеброд, а еще привередничает. Может, желаешь выйти и пройтись пешком? По такой жаре?

– В общем-то, да, – отозвался Ричер. – Ходить пешком я люблю. А на жару мне наплевать. Выпустите меня прямо здесь.

Марти продолжал ехать вперед.

– Гудиэр хочет, чтобы я точно уехал из города? Он ясно дал это понять?

– Правильно.

– А что, по его словам, я такого сделал, чтобы стать персоной нон-грата?

– Драки устраиваешь. И вообще, от тебя одно беспокойство. Компанию водишь непонятно с кем. И все такое прочее.

– То есть хочет, чтобы впредь я создавал проблемы где-нибудь в другом месте?

– Верно.

– А он не подумал о том, что я могу устроить ему проблему прямо здесь, у тебя в машине?

– Подумал. Сказал, что можешь попробовать. Но я уже двадцать лет работаю в полиции.

Он знает, что, если ты настолько тупой, что попытаешься выкинуть номер, я смогу с тобой разобраться.

Марти двинул правым бедром, показав небольшой револьвер и старенькие наручники, прикрепленные к отбортовке его сиденья.

«Пистолет так, для декорации, он вряд ли ему поможет», – подумал Ричер. Воспользоваться им – об этом и речи не может быть. Для этого ему понадобился бы напарник. Причем на заднем сиденье. Который наставил бы пушку на Ричера и лишил бы его пространства за пустым креслом рядом с водителем. А самому Марти проделать такой фокус никак нельзя. Пока он крутит баранку. Разве можно следить за дорогой и в то же время целить в кого-то у себя за спиной. Пришлось бы повернуться. А там еще подголовник мешает. И стрелять наобум, как бог на душу положит. В такой ситуации отобрать у него пистолет Ричеру раз плюнуть.

– Ты сам посуди, – сказал Марти. – Копы выгоняют тебя из города не просто так. И если тебя найдут в придорожной канаве застреленным из пистолета, который зарегистрирован на какого-то гопника, помершего, еще когда президентом был Рейган, думаешь, кто-то станет очень переживать?

– Ну уж радоваться я бы точно не стал.

– Радуйся или нет, это никого не волнует... кому ты вообще нужен?

Ричер сдвинулся еще немного левее.

– Что-то у нас с вами, Марти, с самого начала не заладилось. Давайте-ка начнем по новой. Объявим перемирие. Вы как, согласны? Я не стану устраивать вам проблем в машине. А вы

выложите начистоту, куда вы меня везете. Только не говорите, что в сторону трассы, я вам все равно не поверю.

– Ладно. Пусть будет не в сторону трассы. Ты оказался прав.

– Тогда куда?

– Приедем – узнаешь.

– Вы ведь плохо меня знаете, Марти... Я, конечно, не стану выдвигать вам претензий по этому поводу, просто я не из тех, кто любит неясные ответы. Точность для меня – вещь очень важная. Поэтому я дам вам еще один шанс. Куда вы меня везете?

Марти снова приподнял бедро и правой рукой похлопал по пистолету.

– С чего ты взял, что в своем положении ты можешь направо и налево раздавать шансы?

– За эти, как вы говорите, двадцать лет, что вы служите в полиции, вы разве не замечали в патрульных машинах перегородки из плексигласа, между передней частью и задней?

– Конечно замечал. И мне всегда это не нравилось. Они же пуленепробиваемые. Мешают палить в умников, которых приходится развозить туда и сюда.

– Позиция, в общем, понятная... в некоторых обстоятельствах, – сказал Ричер и снова переместился, уже до упора. – Но в данной ситуации вам, наверно, захочется пересмотреть свою точку зрения, – добавил он.

Ричер отстегнул ремень безопасности водилы, левой рукой схватил свободный конец и левым коленом прижал язычком к двери. Вытянув левую руку, положил ладонь Марти на лоб и рывком подтянул его голову назад, прижав ее к подголовнику. Потом осторожно просунул правую руку вокруг сиденья и кулаком зажал Марти горло. Машина вильнула в сторону. С минуту Марти боролся с рулем. Потом схватил пистолет, развернулся и направил ствол назад, пытаясь ткнуть им в Ричера, который тесно прижался к спинке водительского сиденья.

Ричер усилил давление на горло Марти и почувствовал, что еще немного – и трахея сломается.

– Брось пистолет, – сказал он.

Марти еще секунду продолжал бороться, но реальность померкла в его глазах. Револьвер упал на пассажирское кресло, а с него со стуком свалился на пол, в нишу для ног.

Ричер немного ослабил давление:

– Молодчина. А теперь остановите машину.

Марти, наоборот, увеличил скорость.

– Какой вы непонятливый, Марти. Если не остановите, случится непоправимое. Во-первых, я сожму вам шею. У человека в шее много всяких артерий и вен. Они будут пережаты. Прекратится подача кислорода к мозгу. И вы потеряете сознание. Если машина будет еще ехать, мы разобьемся. Правда, с моей точки зрения, это было бы неплохо. Меня защитит спинка вашего кресла. А вот у вас будет проблема. Очень серьезная. Не знаю, насколько глубоко вы знаете законы физики, но тут сработает один из них. Закон инерции. Вы знаете, что такое инерция?

Голова Марти слабо качнулась.

– Инерция – это свойство тела сохранять состояние покоя или движения. Если тело пребывает в покое, то и остается в этом состоянии, если только какая-нибудь сила не сдвинет его с места. А если оно движется, то и продолжает двигаться, пока внешняя сила его не остановит. То же самое относится и к человеческому телу. Как раз для этого в машине и существуют ремни безопасности. Если они отсутствуют, и во время аварии машина резко остановится, то сидящие в ней будут продолжать двигаться. И пробьют собой ветровое стекло. Проткнутся множеством острых предметов. Словом, получат много весьма болезненных ощущений. Возможно, фатальных. А ведь на вас сейчас ремня безопасности больше нет, правда, Марти?

Машина замедлила ход, но продолжала двигаться вперед.

– И у вас есть еще одна проблема. Инерция скажется на вас еще и по-другому. Чувствуете, как крепко я держу вашу голову? И если машина во что-нибудь врежется, голова с места не сдвинется. Останется, где была. А вот остальное тело... увы, нет. Ничто не сможет остановить его движение вперед. Удерживать его будет единственно ваша шея. И не только вены с артериями, которые пронизывают ее, но и нервы.

Марти убрал ногу с педали газа, съехал на обочину и наконец-то остановился. Ричер почувствовал, как обмякло его тело.

– Мне приказали отвезти тебя на заправку. Заброшенную.

– И что дальше?

– Не знаю. Больше мне ничего не сказали, а сам я вопросов не задавал. Как ты только что убедился, жить мне еще не надоело.

– А где находится эта заправка?

– Впереди, в полумиле примерно. С правой стороны. Рядом с автосалоном, тоже заброшенным. Когда-то там продавали «студебеккеры». Как увидишь знак, будешь знать, что уже близко.

– Сколько Гудиэр вам платит?

Марти попытался помотать головой.

– Если тут не деньги, то что у него на вас есть? Надеюсь, что-нибудь крупное.

– Джон тут ни при чем. Он человек порядочный. Он сказал, что хочет, чтоб ты убрался из города, потому что от тебя один геморрой, и я ему верю, как Господу Богу. Он действительно попросил отвезти тебя к трассе. И я согласился, почему не сделать другу одолжение? А что касается заправки, тут дело другое. Он об этом ничего не знает.

– Гудиэр – порядочный человек? Настолько порядочный, что вы могли бы пристрелить меня из своего незаконного пистолета, бросить валяться в канаве и он бы закрыл на это глаза, так что ли?

Марти снова попытался помотать головой.

– Да нет же. Это уже я все придумал. Хотел лапшу на уши навесить. Чтобы ты не дергался. Пистолет даже не заряжен. Пригодился опыт работы. Главное – припугнуть, чтобы преступник поверил, что ты готов в него выстрелить. А потом и делать это не обязательно.

– Хорошо. Отставим Гудиэра. С кем вы договаривались насчет второго варианта?

– Да тут вообще непонятки какие-то. Не могу сказать. Нет, не потому, что не хочу. Просто не знаю. Мы говорили с ним по телефону.

– Значит, это была не женщина?

– Да.

– Что же выходит... ни с того ни с сего тебе звонит незнакомый человек, просит помочь... в чем? В похищении? В убийстве? И ты говоришь: ну конечно помогу, о чем речь?

– Все не так просто. Это началось, когда я еще был полицейским. Однажды я выручил одного парня... Я думал, что он попал в большой переplet. Я многого тогда не замечал или не хотел замечать, и это была моя большая ошибка, потому что, как только его неприятности кончились, он стал требовать от меня новых услуг, грозя рассказать, что я для него тогда сделал. Это продолжалось много лет. Поэтому я и ушел в конце концов из полиции. Я думал, теперь все, он от меня отстанет, мол, от меня больше нет для него никакого толку. Но я ошибался. Он не отстал. То заставит меня передать кому-то какой-то пакет. То забрать какие-то деньги. И все такое. Мне казалось, это никогда не кончится. Но потом этот тип помер. Переходил улицу и попал под машину. За рулем сидел пьяный. Я понимаю, нехорошо радоваться смерти другого, но я был просто на седьмом небе от счастья. С ума сходил от радости. Ну, думаю, теперь я наконец-то свободен. Словно заново родился. Это длилось неделю. А потом как-то вечером зазвонил телефон. И чей-то незнакомый голос сказал, что в наследство от погибшего ему досталось несколько папок и, если я не хочу, чтоб они оказались в руках полиции, все

прежние со мной договоренности остаются в силе. Он сказал, что многого от меня не потребует. Так, время от времени оказывать разные мелкие услуги, и все.

– И вы ему поверили?

– Хотите откровенно? Сам не знаю. Он говорил вполне серьезно. Но мне все это так надоело, я был в таком отчаянии, что решил рискнуть. Сказал, что у него это дело не выгорит. Чуть не послал его к черту. Мол, делай что хочешь, я тебя не боюсь. Что он и сделал. На следующее утро ко мне постучали. Я открыл дверь и увидел на пороге два пакета. Одинакового размера. Одинаковой формы. Пронумерованы: номер один и номер два. Я открыл первый. И обнаружил внутри... мужские половые органы. Полностью, понимаете? Два часа я блевал в туалете. Потом открыл второй пакет. Там ничего не было, кроме листка бумаги. А на нем от руки записка. Старомодным гладким почерком. Там было написано: если хочешь, чтоб твое мужское достоинство тоже оказалось в таком пакете, от сотрудничества можешь отказаться. Если нет, то в девять вечера тебе позвонят, ответь и точно следуй всему, что тебе скажут.

– Вы ответили на звонок?

– Черт возьми, конечно. А ты бы не ответил?

– Что вас заставили делать?

– Расчлененку таскать. Четыре чемодана.

– То, что осталось от того типа из пакета?

– Думаю, да. Но внутрь не заглядывал.

– Хорошо. Итак. Вернемся к настоящему. Откуда этот таинственный незнакомец узнал, что вы по просьбе Гудиэра должны вывезти меня из города? Выходит, Гудиэр тоже у него в кармане?

– Нет. Тут я виноват. Тот тип приказал мне докладывать обо всем, что мне станет известно про Резерфорда. Обо всем, что имеет к нему отношение. А Гудиэр рассказывал мне, что Резерфорд как-то связан с потасовками, в которые ты ввязался. Я прикинул, что тут без тебя не обошлось. Осторожность в таком деле не повредит, верно? Я и позвонил ему.

– У него есть кто-то еще, кто следит за Резерфордом?

– Точно не могу сказать. Но мужик это серьезный. Зуб даю, на него работает целая сеть.

– Что ему нужно от Резерфорда?

– Думаешь, я бы стал задавать ему такие вопросы? Нет уж, себе дороже.

– Да, согласен.

– Наверно, поэтому тебя выгоняют из города, а я этим занимаюсь.

– Принимаю как комплимент.

– Принимай как хочешь. Ну и что дальше? Вижу, тебе нужна машина. Отлично. Забирай. Только и у меня есть небольшая просьбишка. Все должно выглядеть так, будто ты от меня удрал. Если он подумает, что я тебя отпустил, я покойник. Даже хуже чем просто покойник. Поэтому сделай со мной что-нибудь. И чтоб убедительно. Я знаю, вчера вечером ты отправил троих в больницу, так что не стесняйся.

– Я вас и пальцем не трону. И машина мне ваша не нужна. Во всяком случае, пока. Сначала схожу прогуляюсь, прозондирую кое-что, а уж потом что-нибудь придумаю.

– Что тут зондировать? Ты сам сказал, трасса на севере. Вот и двигай туда. Главное – жми на газ. И поскорей убирайся из штата, пока меня не нашли.

– Трасса меня мало интересует. Это была идея Гудиэра. А у меня тут есть кое-какие незаконченные дела, и, кажется мне, одно из них ждет меня на заправке. Люди так старались, хотели встретиться, поболтать. Было бы невежливо не пойти им навстречу.

– Это ты зря. Вспомни, что я рассказывал про первый пакет. Они способны не только на это. А чемоданы? Мне бы не хотелось в следующий раз разбрасывать по стране твои кусочки. Чтобы потом разбрасывали мои. Так что мой тебе совет...

– Передайте-ка пистолет.

– Я же сказал, он не заряжен.

– Все равно давайте.

Марти поднял с пола и передал назад маленький, изящный «смит-вессон» двадцать второго калибра. Не смазанный. Магазин без патронов. Марти не соврал.

– И мобильник тоже, – сказал Ричер.

Марти вынул телефон из держателя на приборной доске.

– Теперь одноразовый.

– У меня нет такого.

– Не тратьте мое время попусту. Вряд ли вы связываетесь с типом, организующим убийства, по мобиле, которую можно отследить.

Марти достал из кармана маленький складной аппарат.

– И ключи.

Бывший коп вздохнул и передал Ричеру предмет размером со спичечный коробок с четырьмя кнопками и фирменным клеймом. На нем висели ключи, по большей части вполне обычные. Но один был совсем маленький. Ричер извлек из связки его.

– От наручников?

Марти кивнул.

– Прикрепите к рулю. Одной руки будет достаточно.

Тот послушно исполнил.

– Отлично, – сказал Ричер и открыл дверцу. – Ждите меня здесь. Отдыхайте. Я скоро вернусь.

Глава 7

Ричер зашагал вперед и, пройдя двадцать ярдов, подошел к въездной дороге, ведущей к раскинувшемуся справа от шоссе полю. Почти совсем не заросшему. «Возможно, когда-то здесь выращивали табак», – подумал он, но это предположение было сделано скорее на основе полузабытых школьных уроков в разных частях земного шара, где ему пришлось побывать, нежели оттого, что он узнал эти невысокие бурые растения, беспорядочно разбросанные по поверхности комковатой красной почвы. Он перешел на противоположную сторону дороги, окаймленную здесь жиденькой рощицей тоненьких деревьев, прошел ее насквозь и двинулся дальше параллельно дороге.

Через четверть мили Ричер увидел тыльные стороны парочки каких-то строений. Одно, то, что поближе, шире и выше другого. От его неровных бетонных стен уже отвалились куски белой штукатурки, некоторые размером в квадратный фут. За ним выростала колонна, составленная из букв, в два раза выше самого здания. Большие заглавные буквы красного цвета все еще держались одна за другую, и он успел рассмотреть S, T, U, D и E с обратной стороны до того, как остальные буквы названия скрылись за стеной. Второе строение было поменьше. Оно притулилось сбоку от крытого заправочного терминала и было едва ли больше торговой палатки. Колонок с насосами здесь уже не было. «Наверно, – подумал Ричер, – кто-то их поснимал, подновил, раскрасил как положено и распродал по каким-нибудь претенциозно-богемным художественным салонам в финансово благополучных городах». Однажды он уже видел один такой в витрине художественной галереи, и на ценнике была указана сумма, за которую можно было купить крутой автомобиль, и от нее еще осталось бы. «Знамение времени», – подумал Ричер. Как и сама раскуроченная бензоколонка. Когда-то процветающая, построенная владельцем стоящего по соседству автосалона. А потом борьба за выживание, когда помощи ждать неоткуда, попытки удержаться на плаву, когда поток людей и машин ослабевал, угасал, иссякал и наконец совсем прекратился. Дороги в наши дни стали невыгодным местом для бизнеса. Тут и говорить нечего. Пока Ричер шагал по полю, мимо не проехало ни одной машины. И в поле зрения стояло только две. Внедорожник и «тойота». Одна черная, другая синего цвета. Те же самые, что он видел и накануне. Вопрос только в том, сколько людей в них приехало, – столько же или меньше.

Ричер прикинул, что на крышу наверняка посадили наблюдателя, чтоб он издалека заметил приближающуюся машину Марти и подал знак остальным. Машина с ходу заедет на подъездную площадку, и если бы за рулем сидел Ричер, он проехал бы между зданиями и остановился бы на полпути к выезду с другой стороны. Из укрытия выскочит человек, быстро откроет дверцу позади водителя и отступит назад. За ним возникнет другой, с пистолетом-транквилизатором, и поразит жертву до того, как у нее возникнет шанс выбраться из тесного автомобиля. Значит, здесь их как минимум трое. Достаточно, чтобы все прошло как по маслу. Но если они осторожничают, то открывать будут обе задние дверцы, – это уже два человека плюс двое с пистолетами. Тут нужен более высокий уровень мастерства и подготовки, чтобы не перестрелять друг друга с обеих сторон заднего сиденья, но проблем можно избежать, если объект рискнет броситься на открывающуюся дверцу или ухитрится схватиться за пистолет до того, как он выстрелит. Значит, скорей всего, пятеро. А коли подстраховаться совсем как следует, то за рулем в их машине должен сидеть еще один, чтобы по-быстрому смыться, если что-то пойдет не так. Шестеро. Две пары и двое поодиночке. Такой же комплект, что и вчера.

Наблюдателя на крыше Ричер решил оставить напоследок. Чисто физически он далеко и не представляет особой угрозы, даже если вооружен; рисковать наблюдатель не станет – не дай бог, подстрелит своих. Те, что парами, скорей всего, схоронятся где-нибудь за ближайшими

углами домов. Кто и как станет замечать следы – неизвестно. Он (или она) – это тот, кто прежде всего уберет фигуры с доски.

Если он вообще существует.

Ричер устроился поудобней и стал наблюдать. Он мог ждать хоть целый день. А тем временем его оппоненты станут нервничать. Наверняка им сообщили о том, что Марти покинул здание суда. Небось уже сейчас забеспокоились. А вдруг что-то случилось, что-то пошло не так? Чем дольше задержка, тем хуже состояние напряжения. А чем выше их напряжение, тем больше шансов, что они допустят ошибку.

Прошло двенадцать минут. Никакого движения. Ни единого звука. Потом издали послышался шум мотора. Он приближался с севера. На крыше возникло шевеление, и Ричер это заметил. Возле колонны с буквами. Осторожно поднялась чья-то голова. Женщина в черном. Рыжеволосая. Он видел ее раньше. Вчера. На противоположной стороне переулочка, а потом она помогала засунуть своего отключившегося приятеля на заднее сиденье «тойоты». Пять или десять секунд оставалась неподвижной, потом поднесла ладонь к уху и снова опустила голову. Появилась машина. Мчалась на большой скорости. Синий как чернила «мустанг» с открытым верхом. За рулем мужчина. Рядом улыбающаяся женщина. Двигатель взвыл, из-под колес во все стороны полетел гравий; авто промелькнуло мимо и скрылось из виду.

Послышался звук еще одной машины; она ехала в обратную сторону, и Ричер даже не пошевелился, всем телом прижавшись к земле и оставаясь невидимым. Мотор рокотал на точно такой же ноте, и он догадался, что это возвращается «мустанг». Парень за рулем явно выпендривался перед девицей, надеясь на страстную ночь. Или торопился домой, уже получив удовольствие. Прошло еще пять минут. Десять. Снова послышался шум. На этот раз тачка ехала медленнее и не так шумно. Ричер поднялся на корточки и приготовился броситься вперед.

На крыше снова движение. Опять появилась рыжая головка. На этот раз поднималась быстрее. Женщина встала, выпрямилась, коснулась рукой уха и побежала к середине здания. Взгляд ее был устремлен под ноги, иначе она сейчас смотрела бы прямо на Ричера. Когдадвигающийся на юг автомобиль проехал мимо, она и головы не повернула. И вдруг куда-то исчезла. «Должно быть, прыгнула в люк», – догадался Ричер. Он тоже нагнулся и припал к земле. Через полторы минуты женщина протиснулась сквозь дыру в фанерном ограждении, устроенном неподалеку от середины торцевой стенки. За ней пролез и мужчина, которого Ричер накануне отправил в нокаут, и они вдвоем побежали к «тойоте». Возле телефонной будки появилось еще двое напарников, ростом поменьше, с которыми Ричер тогда же успел перекинуться парой слов, и помчались к внедорожнику. Оба автомобиля почти одновременно завелись и, бешено буксанув колесами, рванули с места и помчались прочь от города.

Глава 8

Когда снова зазвонил мобильник защищенной связи, Сперанский сидел в столовой и завтракал.

– У нас проблема, – сказала трубка. – Мы потеряли Резерфорда.

– Как это случилось, черт побери? – заорал Сперанский, отшвыривая газету в сторону. – Два человека должны были следить за его домом! Я что, непонятно объяснял?

– Понятно. За домом следили двое. Старшая получила от консьержа в доме Резерфорда текстовое сообщение. О том, что Резерфорд попросил его вызвать такси.

– И как это привело к тому, что Резерфорд пропал?

– Старшая велела привратнику выполнить просьбу. И заказать еще одну машину, чтобы прибыла в то же самое время. Чтобы ехать за ними. Два наших оперативных автомобиля были задействованы группой засады. Она была уверена в том, что, если консьерж не вызовет ему такси, Резерфорд просто выскочит на улицу и сам поймает машину. Или поедет в своей. В любом случае одинаково плохо. Может, и того хуже.

– Ну и что пошло не так?

– Не знаю. Или консьерж оплошал, или служба такси напортачила. Прибыла только одна машина, и Резерфорд сел и уехал.

– Вы хоть номер запомнили?

– Разумеется. И номер, и как выглядит, и фотографию сделали.

– Резерфорд сказал, куда он намерен ехать?

– Сказал. Вам это не понравится. В аэропорт Нэшвилла.

– Не может быть, – сказал Сперанский и встал. – Сделать все, чтобы Резерфорд не сел на самолет. Иначе полная катастрофа. Где сейчас агенты, которые за ним следили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.